

Максим ШВЕЦ

**КАМЕННЫЙ ВЕК
РУССКОЙ ПОЭЗИИ**

**Сборник художественно-
критических статей**

**Санкт-Петербург
2008**

ББК 83.3Р
Ш 35
УДК 82/821.0(075.8)

Редактор – Сергей Щепотьев
Художественный редактор – Марина Ясыченко

Швец М.Ю.

Ш 35 Каменный век русской поэзии

Сборник художественно-критических статей – СПб.: ИП Генкин А.Д.,
2008 г. – 108с.

В сборник вошли статьи и эссе из области истории и философии литературы. Все работы отличает оригинальность, нетрадиционный подход к известным фактам, высокий профессионализм, а также горячая любовь автора к литературе и к тем писателям или поэтам, которым посвящены данные исследования. В связи с этим сборник достоин того, чтобы привлечь внимание специалистов и всех, кто занимается изучением литературы как науки. Но автор не ставил перед собой цели написать книгу только для узкого круга теоретиков. Легкость языка обеспечивает ее общедоступность и популярность. Информационное содержание включенных в сборник статей дает пищу для ума абитуриентам и студентам филологических отделений. Не сомневаемся, что сборник будет интересен и широкому кругу читателей, для которых настоящая литература еще не умерла.

ISBN 978-5-98947-098-3

© Швец М.Ю.
© ИП Генкин А.Д.

От издательства

Сегодняшнее литературоведение, как и вся русская литература, переживает сложный период. С одной стороны оно становится узкоспециальным, уходит в научность, в концептуализм, в масштабное накопление информации и теоретизирование. Такие работы малодоступны не только для рядового любителя и ценителя художественного слова, который без соответствующей профессиональной подготовки в них просто не разберется, но и для самих профессионалов – по причине небольших тиражей и камерности, корпоративности предпринимаемых изданий.

С другой стороны издается множество учебных пособий, либо упрощенных до примитивности, либо представляющих собой перепечатку ранее опубликованных работ. На этом фоне мы предлагаем сегодняшнему читателю книгу совершенно иного плана.

Представленные в сборнике работы находятся на пересечении истории и философии литературы. Их самостоятельность и оригинальность не вызывает сомнений. Автор, хотя и не пользуется широкой известностью в литературоведческих кругах, тем не менее, не только обладает профессиональными качествами настоящего исследователя – творческим и филологическим опытом, мастерством и начитанностью, но и не обделен чисто художественным талантом. Последнее – существенно расширяет диапазон его интересов и круг читателей.

Большая часть статей построена на принципе сравнения. Этот прием иногда незаслуженно критикуется. Однако здесь имеет место некая неформальная методика. Нетрадиционность сравнения, в данном случае, состоит в том, что предпринимается не обычное сопоставление или противопоставление, а сорассмотрение в неограниченных пределах мировой литературно-художественной культуры, системы общечеловеческих культурных ценностей и политической и социальной среды общества. В условиях агорафобии*, разрушения и деградации общечеловеческой культуры, автор берет на себя смелость надеяться на незыблемость настоящих духовных ценностей и непреходящесть, как самого искусства, так и человеческого творчества.

Максим Швец склонен рассматривать и изучать более ноумен литературы, чем ее феномен. Уже сегодня на стыке истории и философии возникает новое направление – метафизика литературы. Открытия и умозаключения основываются не на строго научных, последовательных построениях и доказательствах, а на внутреннем ощущении и творческой интуиции. Догадка становится откровением. В обыденном и знакомом открывается нечто новое и необыкновенное.

Естественно, эти работы не являются «гаданием на кофейной гуще», в них есть большая, существенная доля сознательного, фактологического. Быть может, некоторые, особенно, не сами собой разумеющиеся, выводы спорны. Тем не менее, и они представляют немалую ценность и возбуждают интерес именно своей непредсказуемостью.

---

* В конкретном контексте трактуется как боязнь пустоты.

Максим Швец, не имея специального образования, бесспорно талантливый литературно-художественной критик. Творческая мастерская поэта, увлеченно изучающего технику стихосложения, и любовь к философским парадоксам дали ему возможность приобрести не только профессиональные навыки, но и необходимый уровень компетентности.

Подтверждение этому его книга «Технология русского стихосложения», вышедшая в 2002 году.

Немалый опыт работы в издательском деле и в прессе, естественно, тоже помогал Швцу в личном творчестве.

Любой, кто прочтет книгу полностью, поймет, что сборник является единым целым со своей идеей, связями и смыслом.

Остается добавить, что данный сборник литературоведческих статей будет интересен не только для тех, кто так или иначе изучает наследие классиков, которым посвящены статьи, но и для широкого круга читателей их творчества.

«АПОКАЛИПСИС» НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА

I

То академик, то герой,
то мореплаватель, то плотник...

«Стансы», А.С. Пушкин

У каждого человека свой личный духовный опыт, который приобретается им на протяжении всей жизни, а иногда и ценой жизни. Путь к злу – легкий и короткий, путь к Богу – долгий и трудный. Это, без сомнения, прописные истины.

*Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей – мгновенна и убога,
Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.*

(Н.Г. «Фра Беато Анжелико»)

И даже с высоты объективного будущего невозможно понять до конца душу поэта.

Можно любить его стихи и сочувствовать его судьбе, можно изучать его творчество и анализировать поступки, а если хватит смелости, то – строить предположения и делать выводы. У каждого есть на это свое личное «несравненное право»¹, такое же, как выбирать себе – не только жизнь, но и смерть. И, наконец, мы – потомки почему-то убеждены в беспристрастности собственных акцентов и оценок, объясняя это отдаленностью во времени. Но мы – люди.

У каждого из нас свое миропонимание и мироощущение – вечно «зевающие» ножницы, висающие на оси сознания. Нам только кажется, что мы знаем историю, – мы представляем ее, моделируем по накопившимся фактам, трактуя их по своему усмотрению.

У современников не было даже такого хрупкого материала. Не удивительно, что мнения свидетелей и очевидцев о поэте были тенденциозны и противоречивы. И негодование Ахматовой по этому поводу абсолютно справедливо².

Но и наши взгляды на его личность и творчество только первые попытки понимания, понимания человеческого. Истина откроется тогда, когда он сам «представ пред ликом Бога» будет «ждать спокойно Его суда»³.

Таким образом, мэтр, основатель поэтической школы, путешественник и охотник, русский офицер – Николай Гумилев остается одним из самых загадочных поэтов серебряного века.

Его духовный жизненный творческий путь почти не исследован. Похоже, пропущено главное.

¹ Слова из стихотворения Гумилева «Выбор».

² Здесь и далее ссылки на книгу А. Ахматовой «Дневники и воспоминания».

³ Слова из стихотворения Гумилева «Мои читатели»

В романе Торнтон Уайлдера «Мартовские иды», в одном из писем Цезаря говорится: «Мы, римляне, знаем, что наша душа прикована к земным делам, а ее «странствия и очищения» – всего лишь наши обязанности, наши дружеские отношения и те страдания, которые нам выпадают на долю».

Евгений Баратынский писал: «Совершим с твердостью наш жизненный подвиг. Дарование есть поручение... Должно исполнять его, несмотря ни на какие препятствия».

Если смотреть на поэзию Гумилева, как на зеркало души, то именно в ней отражены все его искушения, искания и откровения, откровения в первую очередь поэтические, словно пронизанные божественным светом так удивительно похожим на тот фаворский свет, который видели апостолы:

*Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной,
И, Господь, вот Ты мне явился
Невозможной такой мечтой.
Вижу свет на горе Фаворе
И безумно тоскую я,
Что взлюбил и сушу и море,
Весь дремучий сон бытия.*

(Н.Г. «Я не прожил, я протомился...»)

Поэзия Гумилева выросла из экзотики и рыцарства и незаметно перешла в категории философии и любви. Свойственный Гумилеву индивидуализм на самом деле – одиночество неординарной личности, а романтизм – стремление поднять реальность на уровень – творческой и одухотворенной. Его самолюбие было уверенностью в себе, а не самодовольным презрением. Наряду с этим – академичность его акмеизма, воля к претворению мечты в жизнь и неукротимое самовоспитание и самоутверждение.

При всем своем свободомыслии и несмирении Гумилев обладал чисто христианским самосознанием и человеколюбием. Рыцарское отношение к выполнению долга, помощь слабым и любовь к жизни руководили им.

*Христос сказал: «Убогие блаженны,
Завиден рок слепцов, калек и нищих,
Я их возьму в надзвездные селенья,
Я сделаю их рыцарями неба...» –*

Это строки из стихотворения «Отрывок», входящего в сборник «Чужое небо». И дальше:

*Пусть! Я приму! Но как же те, другие,
Чьей мыслью мы теперь живем и дышим,
Чьи имена звучат нам, как призывы?*

Дело не в том, что в поэзии Гумилева большое место занимают духовные темы, например, тема Евангелия, которое он читал с детства⁴, а в том, что он,

⁴Ссылка на книгу Веры Лукницкой «Николай Гумилев».

не поддаваясь на «лукавые увещеванья пустоты»⁵, учил «не бояться и делать, что надо»⁶, т.е. как раз тем «странствиям и очищениям», о которых говорится у Торнтон Уайлдера. При этом поэт обращался за поддержкой к самому Богу:

*Если Господи это так,
Если праведно я пою,
Дай мне, Господи, дай мне знак,
Что я волю понял Твою...*

(Н.Г. «Канцона вторая» из сб. «Костер»)

В конце концов он сам стал тем, «чьи имена звучат нам, как призывы» и был совершенно прав, что и такие «другие» достойны быть «рыцарями неба».

II

Когда последняя труба
Разрежет звуком синий свод;
Когда откроются гроба
И прах свой прежний вид возьмет;
Когда появятся весы
И их подымет судия...

«30 июля – (Париж). 1830 года», М.Ю. Лермонтов

И все-таки духовный путь, духовное становление Гумилева не было простым и легким. Казалось бы, юношеское увлечение оккультизмом было неглубоким и быстро прошло. «Теперь я вижу, что оригинально задуманный галстук или удачно найденное стихотворение могут дать душе тот же трепет, что и вызывание мертвецов...», – пишет он в письме к Валерию Брюсову 11 ноября 1906 года. Тем не менее, Н.А. Богомолов в статье «Гумилев и оккультизм» указывает:

«... как бы Гумилев ни старался отделить свою практику от символистского «братания с потусторонним», достаточно серьезный собственный внутренний опыт заставлял его быть чрезвычайно внимательным к этой стороне познания». («Новое лит. обозрение, N 26, 97г.)

Несмотря на это, «интерес» поэта все же находился намного дальше оккультной области.

Только в 1916 поэт сказал Анне Андреевне Ахматовой: «Ты научила меня верить в Бога и любить Россию». Так или иначе, но еще в 1909 он написал стихотворение «Театр», читая которое невольно вспоминаешь богоборчество Иова. Гумилева мучает тот же вопрос справедливости божественного миропорядка и он бросает Богу тот же упрек, что и Иов. Стихотворение это почти кощунственно.

Еще Шекспир говорил: «Весь мир – театр и люди в нем – актеры». У Гумилева – «Все мы – смешные актеры в театре Господа Бога». Бог – режиссер и драматург, но

*...Боли, глухому титану
вверил он ход представленья.*

⁵ Слова из стихотворения Гумилева «Старые усадьбы».

⁶ Слова из стихотворения Гумилева «Мои читатели».

*И конечно –
Множатся пытки и казни...
И возрастает тревога.
Что, коль не кончится праздник
В театре Господа Бога?!*

иными словами –

*Нет правды на земле, но правды нет и выше...
Правду мы возьмем у Бога силой огненных мечей, –*

как бы добавляет Гумилев к крылатым словам Пушкина из «Моцарта и Сальери». Последняя цитата из еще ученического сборника «Путь конквистадоров» доказывает, что проблема несоответствия человеческой и божественной справедливости с самого начала волновала поэта. Позже Гумилев продолжил эту тему в одном из самых невероятных по тайнописи стихотворений из «Чужого неба» – «Я верил, я думал».

*Я верил, я думал, и свет мне блеснул наконец,
Создав, навсегда уступил меня року Создатель,
Я продан! Я больше не Божий! Ушел продавец,
И с явной насмешкой глядит на меня покупатель...*

Автор уже начинает понимать, какая «бездна» ждет его впереди на этой «бесполезной дороге»:

*И если я волей себе покоряю людей,
И если слетает ко мне по ночам вдохновенье,
И если я ведаю тайны – поэт чародей,
Властитель вселенной – тем будет страшнее паденье...*

Это стихотворение кончается совсем неожиданно – бегством от проблемы:

И вот мне приснилось, что сердце мое не болит...

Гумилев словно забывает предыдущие слова, уходит от тревожной мучительной боли в сказочную прекрасную страну великого созерцания. Позже, именно в 1916 он завершит этот разговор с Богом в стихотворении «Я не прожил, я протомился...» из сборника «Жолчан» первые две строфы из которого приведены в первой части работы. Гумилев видит причину своей «безумной тоски» не только в любви к жизни, которая, кстати, в некотором смысле и есть оправдание его «Театра», но и в несмирении. В том, –

...что моя молодая сила не смирилась перед Твоей...,

как он сам признается Богу. Здесь Гумилев прошел этапы бунта и поражения и, словно «блудный сын»⁷, возвратился к Отцу, сохранив в сердце негасимую и вечную любовь.

Но вернемся к «Театру». Жизнелюбие и жизнеутверждение – вот основные мотивы создания этого произведения. Гумилев защищает реальность, человеческие чувства, земную справедливость.

⁷ У Гумилева есть стихотворение «Блудный сын».

В этом смысле «Театр» можно сравнить с блоковским «Балаганчиком». У Блока нет протеста против высшего небесного порядка, но есть презрение к человеческому, к живому. Блок мастерски издевается над реальностью, превращая ее в фарс. Обычная жизнь становится пародией на самое себя:

*И звучит эта адская музыка,
Завывает унылый смычок.
Страшный чорт ухватил карапузика,
И стекает клюквенный сок...*

Картонный шлем, деревянный меч и клюквенная кровь – вот атрибуты земной жизни. Это – декорации и подделки. Настоящая жизнь не здесь. Недавно герои – девочка и мальчик плачут, они тоже знают эту тайну. Так же

*...высоко у царских врат
причастный к тайнам плакал ребенок...*

в одном из лучших стихотворений Блока⁸.

Устами младенца, как известно, глаголет истина. Истина для Блока в мистическом, тайном, невидимом мире. А здесь на земле только ее шарж, нелепое и смешное копирование, потому-то и нет необходимости сомневаться в справедливости Божией. Остается добавить – искренне жаль, что поэт разочаровался, разуверился в жизни.

Блоковское стихотворение исполнено мрачной силой трагического убеждения. И клюквенный сок «пахнет» настоящей кровью. 1905 год. Позади кровавое воскресенье.

Возможно «Театр» был своего рода ответом Блоку. Может быть, именно отсюда вышла одна из трансцендентных тем Гумилева – тема Апокалипсиса. Гумилев искал ответ на вопрос: погибнет ли земная цивилизация или ее ждет новое рождение, другая стадия жизни?

Вспоминается «Последний катаклизм Ф.И. Тютчева:

*Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них!*⁹

⁸ «Девушка пела в церковном хоре...», А. Блок.

⁹ Интересно сравнить это стихотворение с «Последней смертью» (1827) Е. Баратынского: «Ходила смерть по суше, по водам, Свершалась живущего судьбина. ... (и далее) ... Величествен и грустен был позор Пустынных вод, лесов, долин и гор». Примерно так же представлял конец мира и Арсений Тарковский: «Нам снится немая, как камень, земля И небо, нагое без птицы, И море без рыбы и без корабля, Сухие пустые глазницы». /»Предупреждение» 1960/.

Иначе к этой теме подошел Ф.М. Достоевский. Версиков в романе «Под-
росток» говорит о периоде в конце цивилизации, когда человечество возмож-
но будет жить без Бога: «Исчезла бы великая идея бессмертия, и приходилось
бы заменить ее; и весь великий избыток прежней любви к Тому, который и был
бессмертие, обратился бы у всех на природу, на мир, на людей, на всякую бы-
линку. Они возлюбили бы землю и жизнь неудержимо и в той мере, в какой
постепенно сознавали бы свою преходимость и конечность, и уже особенно,
уже не прежнюю любовью. <...> ...но замечательно, что я всегда кончал кар-
тинку мою видением, как у Гейне, «Христа на Балтийском море». <...> Он
приходил к ним, простирая к ним руки и говорил: «Как могли вы забыть Его?»
И тут как бы пелена упала со всех глаз и раздавался бы великий восторжен-
ный гимн нового и последнего воскресения».

И для Гумилева будущее земли не фатально и спасет ее любовь, одновре-
менно высшая и самая обыкновенная ¹⁰, но ради нее поэт готов пожертвовать
славой:

*И когда золотой серафим
Протрубит, что исполнился срок,
Мы поднимем тогда перед ним,
Как защиту, твой белый платок.
Звук замрет в задрожавшей трубе,
Серафим пропадет в вышине.
О тебе, о тебе, о тебе,
Ничего, ничего обо мне.*

(Н.Г. «О тебе»)

III

И пыль веков от хартий отряхнув...
«Борис Годунов», А.С. Пушкин

Вернемся немного назад.

Сравнение двух великих поэтов – Гумилева и Блока не случайно. Их отно-
шения к миру были во многом противоположны, в жизни и в поэзии они были
идейными противниками и литературными соперниками. Но вполне возмож-
но, что их мироощущения были близки и похожи. Не зря они почти в унисон
откликались на злободневно-вечные темы, витавшие тогда, да и теперь в воз-
духе и в поэтической атмосфере.

---

¹⁰ Близкая мысль была у В.В. Розанова в «Апокалипсисе наших дней»: «Не пойду я с
миром. Не хочу. Я лучше останусь с тобой. Вот я возьму твои руки и буду стоять. И
когда мир кончится, я все буду стоять с тобою и никогда не уйду.
Знаешь ли ты, девушка, что это – «мир проходит», а не «мы проходим». И мир пройдет
и прошел уже. А мы с тобой будем вечно стоять.
Потому что справедливость с нами. А мир воистину несправедлив».

Любовь к жизни у Гумилева совмещалась с верой в мечту, в ее благотворную силу. Мечта для Гумилева священна. Стихотворение «Прапамять» 1918г. из сборника «Костер», начинающееся словами:

И вот вся жизнь! Круженье, пенье...

посвящено несбыточной мечте и надежде. Для Гумилева жизнь без мечты – это сон, только с мечтой можно обрести себя, свое «я». Интересно, что слова «круженье и пенье» словно заимствованы Гумилевым из «Соловьинного сада» Блока (1914-15гг.), во второй части которого они встречаются дважды. У Блока эти слова относятся к мечте героя:

И она меня, легкая, манит и круженьем и пеньем зовет...

Только сама мечта для Блока – предательство по отношению к действительности и повседневности. Переходя от мистического символизма к социальному реализму Блок впал в новую крайность. Сбывшаяся мечта приводит к краху, к гибели. Тяжелое эмоциональное воздействие этого стихотворения ощущается в каждой строке.

Возможно, Гумилев в «Прапамяти» сознательно или подсознательно полемизировал с Блоком, отстаивая чистоту и жизненную необходимость так любимой им мечты.

Позднее, в 1918 они «спорили» на другую актуальную и сегодня тему, тему противостояния России и Европы, Востока и Запада.

Знаменитые «Скифы» Блока, при всей своей «грубой» и мощной силе поэтического воздействия, оставляют впечатление пира во время чумы. Россия у Блока – варварская азиатская страна, находящаяся в вечной вражде с утонченной буржуазной Европой.

*Да скифы – мы! Да азиаты – мы.
С раскосыми и жадными очами...*

.....

*Мы любим плоть - и вкус ее и цвет,
И душиный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?*

А в стихотворении Николая Гумилева «На северном море» 1918г. явно отдается предпочтение норманской теории происхождения Руси:

*О, да мы из расы
завоевателей древних,
взносивших над Северным Морем
Широкий крашеный парус...*

И, если блоковские скифы расступятся и пропустят на Европу дикую орду, то «моряки» Гумилева предлагают Европе и миру свою помощь:

*Не нужны ли крепкие руки,
Не нужно ли твердое сердце,*

*И красная кровь не нужна ли
Республике иль королю?*

Толстой сказал о Леониде Андрееве: «Он пугает, а нам не страшно». Блок в своем стихотворении «пугает» Европу так, что становится страшно по-настоящему. Довольно дешевая, на мой взгляд, патетика призыва –

Товарищи! Мы станем – братья!

не спасает от действительного вероломства предупреждения, больше похожего на ультиматум:

*Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить...*

И, наоборот, потомки легендарных варягов, гумилевские моряки не могут поступить иначе. Для них борьба – это смысл жизни и сама жизнь, они бесстрашны и горды, как настоящие рыцари, и в их словах чувствуется презрение к опасности:

*Ну что там такое:
Подводная лодка,
Плавучая мина?
На это есть моряки...*

Возможно, они и есть те самые пассионарии, которым позже дал определение сын поэта¹¹.

*Но все-таки песни слагают
Поэты на разных наречьях,
И западных, и восточных;
Но все-таки молят монахи
В Мадриде и на Афоне,
Как свечи горя перед Богом¹²;
Но все-таки женищины грезят –
О нас и только о нас...*

(Н.Г. «На северном море»)

¹¹ Имеется в виду диссертация Льва Николаевича Гумилева, опубликованная под названием «Этногенез и биосфера Земли».

¹² Можно сравнить с образом свечи у И.С. Никитина:

Догорели наши силы
Тише свечки восковой
(«Погост»),
у Арсения Тарковского:
Мерцающая желтым язычком,
Свеча все больше оплывает.
Вот так и мы с тобой живем,
Душа горит и тело тает.,
у В.О. Ключевского: «...<Осорьина> все еще тлела перед Богом любовью к ближнему,
как тлеет перед образом догорающая восковая свечка.» />«Добрые люди Древней Руси».

Это говорят те же самые капитаны времен «Жемчугов», чья не пылью затерянных хартий – солью моря пропитана грудь...¹³

IV

Золото, золото – сердце народное...

«Кому на Руси жить хорошо?», Н.А. Некрасов

Вера и любовь к России – Гумилев не просто так соединил эти понятия в словах, обращенных к Анне Ахматовой.

Мерно бьется в груди моей золотое сердце России...

написал он в стихотворении «Наступление» 1914г., которое превратилось чуть ли не в гимн белой армии. И все-таки ему, так же, как герою стихотворения А.К. Толстого «Поток-богатырь», любой аптекарь-патриот мог бросить в лицо обвинение: «Ты народ, да не тот».

Одним из самых близких к народу поэтов был в то время Сергей Есенин. Кажется, нет ничего, что бы связывало его с Гумилевым. Правда, оба были одиноки в кругу поклонников и обоим ждала трагическая безвременная смерть.

1914г. Есенин написал стихотворение «Шел Господь пытатъ людей в любви...», тема которого очевидно вышла из тютчевского:

*Удрученный ношей крестной,
Всю тебя земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя...*

(«Эти бедные селенья...») ¹⁴

и удивительным образом перекликается с темой стихотворением Гумилева «Христос» из сборника «Жемчуга».

Христос и у Есенина, и у Гумилева живой и реальный, кроме того, что Он – Бог, Он – и человек. Сияние, чистый свет добра исходят от этих двух столь разных стихотворений. Оба поэта говорят о человеческой душе, о любви и человечности. Христос в обоих случаях как бы испытывает людей на сострадание и милосердие, на любовь к Богу:

Лучше ль рыбы или овцы Человеческой души?

у Гумилева,

Видно, мол, сердца их не разбудишь...–

у Есенина.

Примечательно, что в том и в другом случае – это слова самого Христа. Он хочет знать – не поработил ли людей материальный мир, пойдут ли они за Ним, если

¹³ Слова Гумилева из первого стихотворения цикла «Капитаны».

¹⁴ Сравните у Лескова – «...где Он каким открылся, там таким и ходит; а к нам зашел Он в рабьем зраке и так и ходит, не имея где главы преклонить от Петербурга до Камчатки. Знать, Ему это нравится – принимать с нами поношения от тех, кто пьет кровь Его и ее же проливает». /»На краю света»/.

*Люди заняты ненужным,
Люди заняты земным... –*

у Гумилева и

*Старый дед на пне сухом в дуброве,
Жамкал деснами зачерствелую пышку... –*

у Есенина?

Правда у Гумилева Христос ясный и легкий, а у Есенина Он скорбит и мучается. Но вывод один. Душа человеческая еще не умерла. Старик отдает Иисусу свой последний хлеб и ...идут пастух и рыбарь за Искателем Небес...

Земная жизнь перестает быть ненужной, это уже не быт, а бытие, духовная жизнь, ведь не хлебом единым жив человек:

*Ведь не домик в Галилее
Вам награда за труды... –*

(Н.Г.)

V

Была ему звездная книга ясна
И с ним говорила морская волна...

Е.А. Баратынский, «На смерть Гете»

Никто не в состоянии проследить полностью кремнистый путь души человека к спасению.

Ахматова записала в своем дневнике: «Гумилев поэт еще не прочитанный. Визионер и пророк».

Сам Николай Степанович писал: «Поэзия и религия – две стороны одной и той же монеты. И та и другая требуют от человека духовной работы. Но не во имя практической цели, как этика и эстетика, а во имя высшей, неизвестной им самим <...> Руководство перерождения человека в высший тип принадлежит религии и поэзии. Религия обращается к коллективу. <...> Поэзия всегда обращается к личности...»¹⁵

Итоги, последствия такой духовной работы поэт отразил в стихотворении «Память» 1921 года:

*Память, ты рукою великаниши
Жизнь ведешь, как под уздцы коня.
Ты расскажешь мне о тех, что раньше
В этом теле жили до меня.*

Одновременно эта вещь – предчувствие, предзнаменование будущего.

Мы знаем, что еще в 1916, в стихотворении «Рабочий» Гумилев с пронзительной достоверностью предсказал свою гибель. Думаю, что мотивы создания этой вещи не имеют никакого значения для ее трактовки. В ней так же, как в знаменитых есенинских строках «До свиданья, друг мой, до свиданья...» есть та, ни с чем несравнимая человеческая боль, которая придает простым и даже несколько пренебрежительным словам глубокую трагическую убедительность. Неосознанное и пророческое проговаривается в поэзии сквозь логику и фантазию.

¹⁵Из статьи Гумилева «Читатель», опубликованной впервые в 1923г.

В созданной позднее «Памяти» почти неуловимо сквозит та же нота сожаления и грусти. Гумилев не отказывается от себя прежнего – поэта и воина, но при этом видит и чувствует, что стал другим, что изменился.

Теперь он говорит о себе:

*Я угрюмый и упрямый зодчий
Храма восстающего во мгле.
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах, и на земле.
Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены нового Иерусалима
На полях моей родной страны...*

так переплетаются в его самосознании любовь к Родине и вера.

«И об Ангелах Бог говорит: «Творящий Ангелов Своих духами, и слуг Своих языками пламени», – свидетельствует апостол Павел¹⁶.

Гумилев продолжает стихотворение «Память» темойрая и Апокалипсиса. Рай тоже появляется здесь не впервые. В стихотворении «Воротарая» поэт писал о католическом рае, напыщенном и помпезном. Вход в рай – это:

*Дверь в стене, давно заброшенной.
Камни, мох и больше ничего.
Возле – нищий, словно гость непрошенный,
И ключи у пояса его...*

Ожидающие отрая царственного величия и пышности не попадут туда:

*Мимо едут рыцари и латники.
Трубный вой, бряцанье серебра.
И никто не взглянет на привратника –
Светлого апостола Петра...*

Но и протестантский рай не для Гумилева. В стихотворении «Я и вы» он прямо говорит об этом:

*И умру я не на постели...
.....
Чтоб войти не во всем открытый
Протестантский прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь,
И блудница крикнут: «Вставай!»¹⁷*

¹⁶ «Послание к евреям. 1:7».

¹⁷ Мать Мария (поэтесса Елизавета Кузьмина-Караваева) писала:

Как придем мы к Нему неумытые?

Как приступим с душой вороватою?..

...Все блудницы, разбойники, мытари

За последней и вечной расплатою.

Тут же вспоминается:

Все мы бражники здесь, блудницы... Анны Ахматовой.

На вопрос фарисеев – почему Он ест и пьет с грешниками? Иисус отвечает: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные». (Евангелие от Матфея 9.11,12).

Гумилеву ближе рай апокалиптический, куда, пройдя через страдания и мытарства чистилища, попадают раскаявшиеся грешники, обыкновенные земные люди.

Итак, в стихотворении «Память» Гумилев пишет:

*И тогда повеет ветер странный
И прольется с неба страшный свет:
Это Млечный Путь расцвел неожиданно
Садом ослепительных планет.
Предо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо. Но все пойму,
Видя льва, стремящегося следом,
И орла, летящего к нему...*

Конечно, это – тот самый, хоть и появившийся позже, «Город золотой» Анри Волохонского, где гуляют животные:

*Одно, как рыжий огнегривый лев,
Другое вол преисполненный очей,
Третье – золотой орел небесный
Чей так светел взор забываемый...*

Рай, о котором писал Бунин в стихотворении «Из Апокалипсиса»:

*А посреди престола и окрест –
Животные, число же их четыре.
И первое подобно было льву,
Тельцу второе, третье человеку,
Четвертое – летящему орлу.*

В рай Гумилева можно попасть только через искупление, («Мне вдруг примнилось искупленье, какого я искал везде...», – это его слова из стихотворения «Счастье», опять-таки 1916 года), получив отпущение грехов, как в «Грузинской песне» нашего современника Булата Окуджавы, говорящей о том же:

*Царь Небесный пошлет мне прощенье
за прегрешенья...*

.....

*И когда заklubится закат, по углам залетая,
Пусть опять и опять предо мной проплывут наяву:
Белый буйвол и синий орел и форель золотая.
А иначе зачем на земле этой вечной живу?*

Все описания соответствуют «Откровению Иоанна Богослова».

Далее в стихотворении «Память» снова поднимается вопрос о конечности существования земного мира:

*Крикну я... Но разве кто поможет,
Чтоб моя душа не умерла?..*

Гумилев так и не смиряется с безысходностью. Думаю, нет необходимости объяснять переносный смысл «смены душ» у людей, о которой он говорит:

Мы меняем души, не тела...

Однако эти последние строки можно трактовать иначе, а именно, как продолжение разговора о том примет ли Бог «бедную душу» поэта или «отринет» ее. При этом: орел и лев – только символы двух Евангелий.

Идея представляется мне очевидной: Будет ли полное исчезновение всего человеческого мира после страшного суда? погибнут ли души людей?

Вспомним, стихотворение Гумилева «О тебе», о котором уже шла речь выше. Кроме того, поэт еще раз вплотную подходил к проблеме Апокалипсиса. В стихотворении «На путях зеленых и земных...» есть разговор серафима со змеем в древнем раю, точнее – слова ангела, обращенные к змею, смысл которых сводится к тому, что после Страшного Суда падший ангел возвратится на небо:

*Нежный брат мой, вновь крылатый брат,
Бывший то властителем, то нищим,
За стенами рая новый сад,
Лучший сад с тобою мы отыщем.
Там, где плещет сладкая вода,
Вновь соединим мы наши руки,
Утренняя милая звезда,
Мы не вспомним о былой разлуке.*

Не новый ли это виток мировой спирали? Все возвращается на свои места, не для начала ли новой истории?

И еще: в 1921-ом Гумилев в одном из последних уже сюрреалистических стихотворений, «На Венере», наполненном подлинной райской благодатью, писал:

*Всюду вольные звонкие воды,
Реки, гейзеры, водопады
Распевают в полдень песнь свободы,
Ночью пламенеют, как лампы...*

И это видение рая превращается в настоящее пророчество:

*И блуждают золотые дымы
В синих, синих вечерних куцах
Иль, как радостные пилигримы,
Навещают еще живущих...*

В дневнике Ахматовой есть упоминание о том, что Гумилев часто снился ей и просил собирать материалы по его наследию, примерно так же, как сыну автора «Божественной комедии», изданной после смерти Данте, приснился отец и подсказал где находится тринадцатая песнь «Ада», которую было трудно найти.

*И знаешь ты, что утренние сны,
Как предзнаменованья нам даны...*

(Н.Г. «Рай»)

В стихотворении «На Венере» легкая грусть и мягкая ласковая улыбка, нежно щемящая боль и одухотворенно восторженная радость соединены в неразрывное целое. Стихотворение напоминает летний дождь, когда одновременно с ним светит солнце и начинает угадываться проявляться, семицветная, окутанная сияющей кристаллической пылью, радуга.

Не это ли мотивы воскресения?

*Храм Твой, Господи, в небесах,
Но земля тоже Твой приют.
Расцветают липы в лесах,
И на липах цветы поют.
Точно благовест Твой, весна
По веселым идет полям,
А весною на крыльях сна
Прилетают ангелы к нам....*

написал Николай Гумилев еще в 1918 году в «Канцоне 2» из сборника «Костер».

Вот таким ангелом или пилигримом и являлся поэт Анне Андреевне. Независимо от своего желания, он окончил свою недолгую жизнь настоящим христианским подвигом. И даже не важно пострадал ли он невинно или же действительно принимал участие в контрреволюционной борьбе. Его погубила глубокая чуждость той антикультуре, которая завоевывала советское общество с первых дней октябрьского переворота. Гумилева называют – Андре Шенье русской революции. В августе 1921 года поэт был расстрелян. Может быть, это и было тем самым искуплением, которого он искал?

Нельзя сказать, что Гумилев не хотел бы избежать этой чаши:

*Ах, бежать бы, скрыться бы, как вору,
В Африку, как прежде, как тогда,
Лечь под царственную сикомору
И не подниматься никогда,*

(Н.Г. «Вероятно в жизни предыдущей...»)

чтобы спокойно

*...скончаться под той сикоморою,
где с Христом отдыхала Мария.*

(Н.Г. «Вступление» из сб. «Шатер»)

И все равно – не мог иначе и отношение к собственному малодушию выразил однозначно.

Один из учеников Гумилева в студии Пролеткульта Анемподист Кайдалов в своем стихотворении, посвященном памяти Бодлера писал:

*Он парил над бескрайним морем.
Он был одинок и смел.*

*Мы так рисковать не можем,
Один он умел.
Обманом его изловили.
Измучили, бросили в грязь,
Ощипали наполовину
И пинали, смеясь.
Глаза альбатроса закрылись.
Обессиленный, он сомлел.
И мешали огромные крылья
Ползти по земле.*

Мне кажется, что эти строки посвящены всем поэтам-мученикам и Николаю Степановичу Гумилеву, в том числе. Так получилось, что поэт ушел из жизни «посредине странствия земного». А куда приведет его неземная дорога мы не знаем...

КАМЕННЫЙ ВЕК РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Мы проходим не зоологическую
фазу существования,
а каменную фазу существования.

В. В. Розанов

Не знаю кто первым употребил звонкую метафору «золотой век» по отношению к русской поэзии. Например, Н. Добролюбов, видимо, позаимствовав ее у Гесиода, назвал времена Августа – покровителя поэтов «золотым веком¹ римской литературы».

Золотой век русской литературы по общему согласию – это век Пушкина, хотя сам Александр Сергеевич называл его железным (1). Более того, в этом с ним благополучно соглашались Евгений Баратынский и Федор Глинка (2).

Попробую уточнить. Похоже, золотой век начался с Третьяковского и Ломоносова и закончился Тютчевым и Фетом. Границы поэтического века расплывчаты. Периоды или этапы литературной культуры пересекаются между собой и входят друг в друга. Чем значительнее поэт, тем труднее отнести его к определенному периоду и, тем не менее, он одновременно может олицетворять собой этот определенный период. Как ни парадоксально, но людей «с необщим выражением лица» связывало некое общее настроение, общие тенденции стиля, которыми и характеризовался каждый отдельный этап поэтической истории России.

Должен заметить, что деление на «века» или периоды предпочтительнее воспринимать с достаточной долей условности. Не только в смысле того, что поэт может писать стихи, принадлежащие к различным периодам литературной истории, но и в смысле относительности самих обозначений, т.е. принятой терминологии. Я имею в виду, что названия «золотой» или «серебряный» не должны говорить о том, что первый лучше второго и, что поэтическая жизнь России, приняв обратный ход, движется к своему закату. Это существенное замечание. Прежде чем я окончательно запутаю читателя в самостийной терминологии, хочу предупредить, что поэтическая история развивается по некой кривой, напоминающей синусоиду. Периоды расцвета, как авторских талантов, так и читательского интереса сменяются периодами упадка того и другого. И, пожалуй, не всегда эти две линии двигаются в унисон.

Золотой век по праву – век романтизма и классицизма. Его определяли реалистический романтизм и строгая твердая художественная форма, а также возвышенность дум и высота стремлений. При всей своей цельности, широте и глубине, произведения этого времени отличались некоторой парадностью и статичностью прописных истин. Красота и великолепие придавали одам и поэмам

¹ Период в истории развития народа, названный В. В. Розановым в статье «О Достоевском» «фазисом непосредственной первоначальной ясности».

сходство с произведениями античности. Выбранный мною термин реалистический романтизм проявится, если его проиллюстрировать следующим примером из книги Владимира Солоухина «Камешки на ладони»: «Как цветок расцветает на черной земле (чтобы не сказать на навозе), так стихотворение может родиться из прозаического, а то и не очень приглядного факта. У нашего великого поэта Пушкина можно найти множество тому подтверждений. Факт был прозаический, а импульс в душе он породил – чистейший цветок. Вот только два примера: «В Бахчисарай приехал я больной. Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного хана. К... поэтически описывал мне его, называя La fontaine des Larmes (фонтаном слез). Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадой на небрежение, в котором он истлевет...»

А какие из этого вышли стихи?

*Фонтан любви! Фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю неслышимый говор твой
И поэтические слезы.
Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой холодной!
Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне быль.*

Второй пример – посещение калмыцкой кибитки во время путешествия в Арзрум. Напомним: «На днях посетил я калмыцкую кибитку... Все семейство собралось завтракать; котел варился по середине, и дым выходил в отверстие, сделанное вверху кибитки. Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табак. Я сел подле нее. «Как тебя зовут?» – *** – «Сколько тебе лет?» – «10 и 8». – «Что ты шьешь?» – «Портка». – «Кому?» – «Себя». Она подала мне свою трубку и стала завтракать. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Она предложила мне свой ковшик. Я не хотел отказываться и хлебнул, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросил чем-нибудь это заесть. Мне дали кусочек сушеной кобылятины: я был и тому рад. Калмыцкое кокетство испугало меня; я поскорее выбрался из кибитки и поехал от степной Цирцеи».

Такова проза жизни, а стихи?

*Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть на зло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей.
Друзья! Не все ль одно и то же:
Забиться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе
Или в кибитке кочевой?»*

Надеюсь, Владимир Алексеевич не обидится, что я почти полностью процитировал один из его «камешков». Просто мне показалось гораздо интереснее показать реалистический романтизм на примере из Пушкина, чем долго и нудно рассуждать на тему того, что это такое.

Золотой век, как и полагается, был золотым. Тютчев и Фет первыми замыслили бунт против этой застывшей культуры. Торжество первооткрывателей в литературе сменилось повседневной радостью скрупулезных исследователей, экспериментаторов, как в области содержания у первого, так и в области формы у второго. Тютчев, декларируя невозможность понять духовную глубину человека, все-таки пытался это сделать, а Фет стал первым конструктивистом, как в метрике, так и в поэтической лексике. И, наверное, недаром, если верить Владимиру Пясту, метафора «серебряный век» первоначально относилась именно к этому времени (3), времени Тютчева, Фета и Алексея Константиновича Толстого.

За первенство в употреблении термина «серебряный век» применительно к началу XX столетия спорят по крайней мере два автора: Николай Оцуп и Николай Бердяев ².

То, что серебряный век отличается от золотого не только историческим временем, надеюсь, всем совершенно ясно. Допускаю, что начался он с Фофанова и Лохвицкой, а закончился Сергеем Городецким, Сельвинским и Владимиром Нарбутом – первыми перебежчиками в следующий – железный век. Еще последний осколок золотого века Константин Случевский пытался чему-то научить новое поколение поэтов, но уже Владимир Соловьев яростно и едко критиковал первый сборник русских символистов, состоящий, похоже, из стихов самого основателя - Валерия Брюсова. Появилась новая манера, новый метод в поэтической идеологии и технике. По аналогии с предыдущим, я бы назвал это явление – романтическим реализмом. Если прежний реалистический романтизм отличался идеализмом, то новое течение «пустилось во все тяжкие», лишь бы романтизировать отнюдь не идиллическую реальность. Отправившись в глубины духа, поэты заменили предметы символами и заговорили высоким штилем о неприглядных явлениях действительности. Им казалось, что если назвать проститутку «придорожными травами» (4), а шайки для омовения ног и дощатые дамские купальни – соответственно «непонятными вазами» и «ревнивыми досками», то от этого поэзия приобретет волшебную силу искусства (5). Иными словами, если Александр Сергеевич был склонен к приукрашиванию «сора» из которого растут стихи, то Брюсов поэтизировал само событие, ничего не приукрашивая, а только как бы зашифровывая его на языке символов. В то же время появляющиеся новые перспективные школы футуристов и акмеистов исповедали другие принципы. Вторые вернулись к реалистическому романтизму золотого века, убрав приукрашивание. (Гуми-

². Похоже на это претендовал еще Лев Гумилев.

лев считал, что необходимо вернуть вещи ее реальную ценность)³. А первые перевернули принципы символистов и «встали на голову»: они попросту отказались от символа и стали напрямую поэтизировать всякую гадость. К сожалению, из блоковских «Скифов» и «12», тиняковского «Плевочка» и «синего режиссера» – героя стихотворения Маяковского вылупилась новая поэтическая культура и традиция – начался железный век.

Занимаясь иногда скромными опытами версификации, рискну предложить читателю предполагаемые модели стихов, написанных представителями серебряного века на темы пушкинских произведений, упоминавшихся в отрывке из книги В. Солоухина.

Символизм: ФОНТАН СЛЕЗ

*Ручей любви, отравленный забвеньем,
на мертвое бессмертье обречен.
Влюбленных тени бродят по ступеням,
их слезы увядающим ключом
текут в сосуд печали безграничный;
и тление снедает все вокруг.
Томит мне душу голос их трагичный
и предопределенности недуг.*

Футуризм:

*Гнилая ворвань с запахом навоза
в тугом котле варилась, пузырясь.
И приняла кокетливую позу
дикарка обольстительная зря.
И без того гнусна ты и прекрасна,
как молодая ведьма, хороша,
как проститутка, что вкусила страсти
иль грешным счастьем полная душа.*

Акмеизм:

*Осенний тлен. Фонтан в Бахчисарае.
Слезинки точит ржавая труба.
Заброшенные клумбы зарастают
в саду,
о прошлой музыке скорбя.
Входя под своды залов, галереи
в покинутом оставленном дворце,
я думаю о солнце, об апреле,
о милой и о будущем венце.*

³ Некоторые критики почему-то твердят, что Гумилев «преодолеl акмеизм». Не понимаю. Мое мнение – к концу жизни он как раз только-только сделался настоящим акмеистом. Можно посмотреть статью В.М. Жирмунского «Преодолевшие символизм».

Духовные искания и эксперименты с формой перестали интересовать русских поэтов. Точно так же, как в мирской жизни, в поэзии возник новый тип автора и лирического героя – человека действенного и решительного, сильного и жестокого, не сомневающегося, воодушевленного верховной силой больше похожей на цель, которая оправдывает любые средства (6). В поэме «Возмездие» Блок вслед за Пушкиным называет железным и жестоким век XIX, но это ошибка. Железный век настал в октябре 17 года. «Год 17 грянул железом...» (7). Конечно его приход в какой-то степени подготовили авторы «Марсельезы» и «Варшавянки». Но в полную силу век развернулся с приходом в большую литературу несомненно одаренных интеллектуалов – Асеева, Тихонова, Багрицкого. В поэзии, как и в остальной литературе, да и в жизни, заговорили пушки. Появился «строчечный фронт» (8). Примеров достаточно. Широкомасштабное воспевание средств уничтожения так глубоко въелось в сознание масс, что для меня не было бы удивительно, если бы советская песня «Выходила на берег Катюша...» на бессознательном рефлекторном уровне могла восприниматься слушателями, как гимн советской боевой машине.

Пример:

*Мы пили чай в кибитках кочевых,
с бараньим жиром и толченой солью.
Но вот пришел великий большевик
повел нас в бой, пообещал нам волю.*

В сборнике «Итоги века» посвященном русской поэзии, подготовленном Е. Евтушенко, железный век определяется приходом в литературу поэтов Отечественной Войны: Кульчицкого, Гудзенко, Симонова... Я считаю, что это был уже закат, а не начало. Жестокий, одержимый, идеологизированный романтизм, оружейный антураж, апологетика бескомпромиссности и насилия с благими намерениями – заполнили советскую поэзию. Форма стала не нужна. Обериуты – сами представители того же железного века превратились в изгоев только за попытки формальных поисков.

Малопонятные Хармс и Олейников были сброшены под твердые копыта всадников «Гренады», хотя они и «бежали, как сажени, на последнее сражение»⁴.

Точно так же до этого были пригвождены к позорному столбу тихоновскими «гвоздями» Хлебников и Крученых. Единственный из обериутов Константин Вагинов по существу последний поэт серебряного века попал прямо из «Звучащей раковины» на обсуждение вещи в себе, начатое, отчасти, еще Николаем Гумилевым. Обериуты независимо от своих личных убеждений и принадлежности все же к традиции железного века, тем не менее, были и первым протестом против него. Они предприняли попытку вернуться к традиции серебряного века: к духовным ценностям и реформированию формы. Большевики насаждали ре-

⁴ Цитата из стихотворения Хармса «Стих Петра Яншина».

лизм рациональный. Они – иррациональный. Романтическую мистику сменила реалистическая мистификация бронзового века. Железный век закончился на Евтушенко, Вознесенском и Высоцком. В литературу пришли Бродский, Кушнер, Уфлянд и др. Новые поэты словно бы отстранились от общей официальной культуры и возвели свой «город золотой» в невидимых далах.

Поэзия – явление иной

прекрасной жизни где-то по соседству... –

декларировал Кушнер основной принцип своего века. Об этом же прекрасно сказано у Романа Сефа:

Всех фантазеров
собирают
на дальнем острове,
и там
они живут и помирают,
как жили –
с горем пополам,
в объятиях своих любимых
среди холстов,
под грудой книг.
А всех серьезных,
исправимых,
Везут назад,
на материк.

Здесь дело даже не в том, что поэты иногда искусно обходили болевые моменты идеологической политики, а в том, что они отделились от общей, от официальной литературы, живущей все еще проповедями железного века, и постарались реставрировать потерянный рай серебряного. Они существовали как бы параллельно. Поэзия вновь зазвучала на языке реалистического романтизма на акмеистском жаргоне. Назову это явление художественным реализмом. Среди официально печатающихся поэтов бронзового периода царили сдержанность, обытовление, допустимость (терпимость). У «неформалов» начался новый виток взаимоотношений с формой; и всех объединяли отстраненность и духовные искания.

*Ах, экономна мудрость бытия,
все новое в ней шьется из старья.*

Фофанов(11)

Появился, образно говоря, некий «Шведский тупик»⁵:

*Парад не виден в Шведском тупике,
А то, что видно – все необычайно...*

Модель поэтического откровения бронзового века выглядит так:

---

⁵ Название стихотворения Станислава Красовицкого.

*Туда, где не стихает шум фонтана,
и где веками капает вода,
как слезы..., мы приходим со стихами
и остаемся плакать навсегда.*

Кстати, если вспомнить, то еще Ольга Бергольц жаловалась, что поэтам не разрешают грустить и приходится это делать «контрабандой». Так что слезы уместны.

Счастлив сообщить, что сегодня мы стоим на пороге нового поэтического века – каменного. Как метко заметил поэт Олег Григорьев:

*По мнению соседа первоклассника,
Устарела в наш век вся классика.
Не надо петь, умиляться и плакать,
А надо хрюкать, визжать и квакать.*

Помня об условности данных метафорических определений, все-таки не удержусь и упомяну о чисто формальных предпосылках к такому наименованию нового периода в развитии и истории русской поэзии. Не так давно я случайно подслушал в автобусе веселую болтовню двух современных каннибалов, с упоением перечисляющих друг другу кто из них сколько раз укусил кого-то из своих близких или знакомых: папу, маму, молодого человека, брата, сестру и т.п. «Я люблю кусать!» – восторженно и громко заявляла одна, чуть ли не облизываясь. Одним словом, по мнению современного поэта Алексея Пугачева (сб. «Имя», вып. III) –

*На выставке каннибализма проникнись чувством
сверхреального.
Он привлекательней туризма и ничего в нем нет
скандального.*

И, хотя общее представление о грубости и дикости пещерного человека, если верить Честертону (12), тоже вполне абстрактно, все же, глядя на современную российскую действительность, поневоле задумаешься об аналогии, пусть даже с символическим представлением о каменном веке.

Теперь, о другом. Поэты каменного века выросли между двух традиций – железной и бронзовой. Железная – им претила по существу, а о существовании бронзовой они мало что знали. Недаром, весьма авангардистского толка поэт, Стива Гогель сочинил нечто вроде гимна современных стихотворцев:

*Мы дети скорби, дети страсти
мы все на жизнь осуждены
без содраганья, без участия
без третьей мировой войны*

*ничто не делится на части
единству своему верны*

*принадлежим к великой касте
что вне закона, вне цены*

*Мы дети каменного века
прошедшие сквозь строй времен
произошли от человека
что в этой яме погребен.*

(См. «Народный Университет Знание», «Человек и Природа» N11, 1992 год.)

Если Бродский и Кушнер⁶ разговаривали с Ахматовой и переняли от нее в каком-то смысле поэтическую традицию серебряного века, то нынешнее поколение было по большей части обделено такого рода вниманием. Иными словами, поэты:

*В мир вторгались, страха не имея,
И, судьбу начавшие с нуля,
Утверждали вслед за Птолемеем:
«В центре мироздания – Земля».*

(Наталья Гранцева)

И потому выбор поэтов каменного века был более свободным. Они и вольны были выбирать лучшее. Появились поэты нового времени Александр Морев и Любовь Якушева. Они самостоятельно продолжая тот луч развития русской поэтической речи, пришли к новой общей поэтической манере. В традиции каменного века все тот же художественный реализм, где бытовое смешивается с фантастическим, научно-философские изыскания соединяются с тончайшей лирикой. Новыми характерными особенностями стали: предельная (не путать с беспредельной) откровенность, дневниковость, обращение к личности и обостренное восприятие личности автора в лирическом герое. Судя по всему, буржуазные демократии уже давно обращены к личности, а не к массе, не к толпе, так же обращено к личности христианство. Эти самые тенденции усилились в поэзии каменного века⁷.

Обратимся к истории.

Как бы предтечами каменного века были акмеисты, называя еще свое литературное течение адамизмом, они словно предчувствовали возникшую сейчас параллель. Гумилев, формально осуждая присутствие реальных автобиографических фактов и личных мотивов в поэтических произведениях, сам написал целый цикл «К Синей Звезде». Мы знаем, что такого рода стихи писали и Пушкин, и Блок, и Бальмонт – в эмиграции, о последнем кто-то сказал, что он много путешествовал и не увидел ничего интересного в мире, кроме собственной души.

Кроме того, можно вспомнить о так называемой «парижской ноте» Цветаевой и Поплавского, и вывести отсюда, что каменный век – есть закономерное

⁶ Пусть простят меня поэты бронзового века, которых не имею возможности перечислить здесь.

⁷ Н. С. Гумилев тоже считал, что поэзия обращена к личности (статья «Читатель»).

продолжение серебряного, минуя железный и бронзовый, и начался новый век в 30-ые годы в Париже.

Думаю, что современники, еще пока редко печатающиеся, только начинающие вступать в литературу, могли бы подписаться под следующим литературным кредо Бориса Поплавского: «Не следует ли писать так, чтобы в первую минуту казалось, что написано «черт знает что», что-то вне литературы. Не следует ли поэту не знать – что и о чем он пишет. Здесь противостоят две поэтики, по одной – тема стихотворения должна перед его созданием, воплощением лежать как бы на ладони стихотворца, давая полную свободу подбрасывать ее и переворачивать, как мертвую ящерицу; по другой – тема стихотворения, ее мистический центр находятся вне первоначального постигания, она как бы за окном, она воет в трубе, шумит в деревьях, окружает дом. Этим достигается, создается не произведение, а поэтический документ, – ощущение живой, не дающейся в руки ткани лирического опыта» (13,1).

И еще одна цитата: «Тенденция к повышению ценного в искусстве находится, как нам кажется, в настоящее время в стороне искания наиболее индивидуального, наиболее личного и неповторимого, субъективного миро- и духоощущения» (13,2).

Однако, и это еще не все. Виктор Соснора, недаром имеющий птичий профиль, был не только бронзовым орлом своего века но так же был «первой ласточкой», или, если хотите – первым «археоптериксом» сегодняшнего или завтрашнего – каменного:

*...мало кто догадывается, какой сейчас век:
каменный или не каменный, что ли.*

Поэтический сюрреализм – меткое смешивание реального и фантазийного, точнее – пережитого или прочувствованного внутри сознания и души – определяет, по крайней мере, один из его сборников с символическим названием – «37».

Нужно заметить, что чрезмерная доминанта личной ноты ведет к вырождению стиха. Эта мысль была у Поплавского: «Стремясь к дневниковому, к домашнему, к не «литературному», в дурном смысле этого слова, можно так углубиться в свое, одному себе понятное, что предел этой тенденции ведет постепенно через суживание круга читателей до полной криптографичности, до никому непонятности, до никому не-ценности» (14).

Пантелеймон Романов в книге «Наука зрения» говорит тоже самое: «Искренность в творчестве, т.е. перенесение в произведение своих субъективных чувств в том виде, в каком они возникают – есть признак невежества художника и его наивности».

Такое вырождение – еще один камень для постройки цитадели каменного века, оно также говорит в пользу взятого мной метафорического термина. Вся вымышленная, на самом деле пережитая внутри человека, реальность не менее действительна, чем реальность фактическая, осуществленная в физичес-

ком мире вещей. Грешные помыслы так же осуждаются христианством, как и неблагоприятные поступки ⁸.

В преддверии каменного века в прозе стоит например Петр Кожевников. Недаром его первая публикация в нашумевшем «Метрополе» называлась «Мелодии наших дневников». В поэзии – предвестником века была Наталья Гранцева. А первыми представителями, как я уже сказал Морев и Якушева, к сожалению, рано ушедшие от нас прекрасные большие поэты. Вместе с ними, соединяя поэтический текст с музыкой, каменный век начал Виктор Цой. Все основные признаки и характеристики каменного века относятся также к его поэзии.

Я не могу перечислить все имена. Быть может, время еще не пришло. Пока невозможно увидеть всю картину в целом. К примеру, журнал «Аврора» публиковал в начале перестройки стихи Тамары Нестеренко и прозу Александра Щеголева. Это – абсолютные представители каменного века, века, когда проза в конечном счете, так сказать – в пределе, имеет тенденцию к слиянию с поэзией.

И еще одна отличительная черта поэзии будущего-настоящего – поэзии каменного века – это вера поэта в буквальную сбываемость поэтического предчувствия, выраженного в слове:

*Я душу всю вложила в эти строки,
Так пусть они мне возвратят тебя.*

(Наталья Гранцева)

Художественная правда – это реальная правда, не только достаточная, но и необходимая. Это тоже говорит о первобытном, естественном, наивном отношении к миру.

Я вовсе не пытаюсь своими рассуждениями показать, будто наши современники пишут как в настоящем историческом каменном веке или создают талантливые стилизации под каменный век, вроде известной стилизации Велемира Хлебникова:

*... Что было со мной
Недавней порой?
Зверь с ревом гаркая,
(Страшный прыжок,
Дыхание жаркое)
Лицо ожог.
Гибель какая!
Дыхание дикое.*

⁸ Оказывается, подобной концепции придерживался Зигмунд Фрейд. Действительность не обязательно вещественна. Жизнь сознания, души и тела – суть одно явление. Пережитое внутри нас воздействует на окружающий мир. / Собственно, та же мысль встречается у Ф. М. Достоевского: «Идеал ведь тоже действительность, такая же законная, как и текущая действительность...» («Дневник писателя» IX, По поводу выставки) И Бердяев в статье о Мережковском писал: «Но нужно сказать, что и сами слова обладают большей реальностью, чем это принято о них думать».

*Глазами сверкая,
Морда великая...
Но нож мой спас,
Не то я погиб.
На этот раз
Был след ушиб.*

«И и Э. Повесть каменного века»

И все же! Совсем недавно вышел в Санкт-Петербурге поэтический сборник «Неолит», в котором имеют место обе эти линии. Большинство авторов сборника мучаются поистине первобытным косноязычием и отсутствием самых элементарных навыков владения ремеслом, сохраняя при этом все отличительные черты уже литературного каменного века.

*Наш век
камнем на шее,
так и тянет в омут смуты –
признается один из авторов –*

(Павел Коробков.)

А «Языческие верши» Алексея Молочника самой неудачностью и неряшливостью стилизации указывают на сходство с первобытной поэзией (в символическом о ней представлении). Заслуживают внимание примитивистские миниатюры Александра Смира, где ярко отражена вечная инстинктивная психология человека, как высшая, так и земная:

*где запасники снов
вереск вечность баюкал

взошедшему над
спокойствие моря
улыбнулось
прозрачный страх

и теперь вниз уставясь лелей
свой мистический ужас
с молчанием гор
стоя вровень*

(«Крым»)

Приведу пример поэтической модели произведения каменного века:

*Любимая, ты вечно далека.
Твое лицо мерещится мне всюду.
Калмычки юной тонкая рука
мне подает немытую посуду.
Мне все равно. Я пью вонючий чай.
Спасибо ей за нежность и участие.
А ты не жди меня и не встречай,
ни дня не жди меня, ни часа.*

В сегодняшней публикуемой литературе, особенно у начинающих авторов, спектр принадлежности к различным поэтическим эпохам достаточно широк. Я знаю даже таких современников, которые пытаются реанимировать традицию золотого века. Ну, о серебряном, железном и бронзовом нечего и говорить. Задержка в широкодоступной публикации поэзии начала века привела к ее второму открытию. Близость во времени остальных периодов делает неизбежным их пересеканность.

Должен признаться, что не могу присвоить себе лавры первенства в выделении новых современных тенденций в поэзии и в литературе вообще.

Я уже упоминал о рассказах Александра Щеголева, опубликованных в «Авроре». Так вот, эту публикацию предваряла короткая заметка, которая, собственно говоря, и явилась первым камешком для постройки моего «здания».

И, наконец, совсем недавно я натолкнулся на критическую работу Любви Калужной в журнале «Литературная учеба» за 1995 год – «Последний обман или обещание», где промелькнули наблюдения похожие на мои: «Где-то в середине восьмидесятых годов нашего времени появилось несколько писателей, дерзнувших сделать литературными героями самое себя, стать как бы непосредственным документом эпохи», «Кажется, Лев Толстой обронил как-то пророчество, что будущее русской литературы за документальной прозой», «Разумеется, всегда есть опасность впасть в «кровосмесительную ересь», принимая отца (автора) за сына (героя)».

В статье также приводятся слова Дмитрия Галковского об этом явлении: «Это мучительный эксперимент, поставленный на себе – эксперимент контакта с собственным архетипом».

Была еще статья Ильи Фонякова, если не ошибаюсь, в журнале «Нева», называвшаяся «Река подо льдом». Там идет речь, как раз, о новых поэтах, «непризнанных и полупризнанных». Автор подмечает у них те же самые черты – черты представителей каменного века: «Стремление к беспощадной откровенности, беспощадной прежде всего по отношению к самому себе», «Вера в свою самобытность, неповторимость, непохожесть, в свое право петь, «как на душу бог положит», не так, как все, и не так, как учат в школе».

В заключение, суммируем все черты или характерные особенности поэтической эпохи, о наступлении которой я говорю, и которую называю каменным веком русской поэзии.

- 1). Откровенность, дневниковость. (Это не означает «домашность», интересность только для друзей и близких).
- 2). Смешивание жанров и стилей.
- 3). Сближение лица лирического героя с личностью автора.
- 4). Попытка писать «вслед за кистью», не в смысле древне-японского метода, а в смысле определения, данного Поплавским (13,1).
- 5). Смешивание реализма чувственного, духовного и физического с собственной фантазией.

- 6). Своеобразная реализация пути от личного и частного – к всеобщему.
- 7). Возвышение индивидуальности, как писателя, так и читателя.
- 8). Простые и обычные, реальные, живые, вещественные предметы описания.
- 9). Соединение поэзии и музыки, поэзии и прозы (рок-музыка, лирические дневники).
- 10). Самообучение и, как следствие – отсутствие школы и технических навыков на первых этапах творчества.
- 11). Слабая обратная» связь с читателями по двум бытовым причинам: «мало читают» и «мало печатают».

И последнее, хочу, вслед за современниками, совершить бесстыдный акт откровенного признания («дурной» пример – как никак). А именно – открыть сокровенную цель моей работы. Эта цель – повисить или даже пробудить интерес современного читателя (хотя бы одного) к современной поэзии. График такого читательского интереса, на мой взгляд, представляется в виде синусоиды: периоды взлета сменяются периодами падения. Но это относится к поэзии вообще. Да, мы читаем произведения золотого, серебряного, бронзового и даже железного века, но ведь на дворе – каменный.

Как справедливо заметил Василь Василич Розанов: «Глупое рассуждение: Я ем в пятницу пирог с грибами, а в понедельник ел с капустой. Отчего я не остановился на пироге с капустой? Увы мне: еда пирога с грибами обращает в совершенное ничто пирог с капустой и тогда для чего же его пекли?!»

Итак, наше время приготовило свой «пирог» (пусть, грибы – пища тяжелая и долго в животе не задерживаются, но зато – как вкусно!). Почему бы не попробовать?

Я намеренно мало цитировал произведения современников, кто заинтересуется найдет примеры сам.

Л и т е р а т у р а:

1. А. С. Пушкин, «Разговор книгопродавца с поэтом»
2. Е. А. Баратынский, «Последний поэт»
3. Владимир Пяст («Встречи», М. 1929).
4. Бальмонт, Брюсов.
5. См. статью Владимира Соловьева «Из рецензий на сборники «Русские символисты»»
6. Н. Бердяев, «Истоки и смысл русского коммунизма»
7. Михаил Голодный, «Верка Вольная»
8. В. Маяковский, «Во весь голос»
9. Анатолий Якобсон, «О романтической идеологии»
10. Кушнер, «Пятая стихия»
11. Фофанов, «Дума в Царском селе»
12. Честертон, «Вечный человек»
13. Б. Поплавский, Из дневников 28-35 гг.
14. Б. Поплавский, «Заметки о поэзии».

ПОЭЗИЯ ЖИЗНИ. ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ (Баратынский и Розанов)

Геометрия Лобачевского утверждает, что бесконечные параллельные прямые пересекаются. Если предположить, что точки таких пересечений составляют некое единое общее поле, находящееся как бы в стороне или вне мирового бытия и одновременно замыкающее, содержащее в себе, делающее цельным это бытие, то можно сделать вывод, опять-таки чисто гипотетически и абстрактно, о том, что это поле – есть поле истины или Бог. У нас есть пример такого или подобного поля: время, единое во всех точках Вселенной. Исходя из этого, мы могли бы догадаться о том, что для Бога (для времени) все человечество и каждый человек в отдельности рождается и приходит на Страшный Суд как бы одновременно. Получается, что человек, проживая земную жизнь, словно бы движется по ленте Мебиуса и в конце-концов возвращается в ту же точку, из которой вышел, только с обратной стороны. Таким образом, истина находится в самой ленте – в сердцевине ее, в центре, в точках пересечения. И, наконец, мы могли бы предположить, что поэзия жизни – это некие прорывы, проникновения во все невидимое, сокровенное, тайное – составляющее Божественный промысел. В религиозной философии эти прорывы называются откровениями.

Можно представить себе, что два человека, две параллельные линии судьбы тоже пересекаются в точках истины, во внешних нам и одновременно внутренних нам, лежащих на ленте Мебиуса, на бесконечной ленте времени.

Евгений Баратынский и Василий Розанов.

Оба эти имени – в числе менее всего известных и нецененных нашей культурой. Несмотря на то, что романы на стихи первого поют до сих пор, а пророческая фраза о «железном занавесе» второго прочно вошла в обиход, их имена мало что говорят широким массам читателей, среди которых и я до недавнего времени не был исключением. Надо сказать, что сами герои моей статьи были бы удовлетворены таким полузабвением...

Поэт-мыслитель – Баратынский. Розанов – мыслитель и... поэт. Я не стану обстоятельно аргументировать последний тезис о Розанове-поэте. Для доказательства этого мне пришлось бы процитировать немало отрывков из его произведений. Хочу просто подчеркнуть, что речь идет о поэзии жизни¹. Ей, как никакой другой, свойственна художественность. Ведь смысл художественного и состоит в тайнописи, в иносказательности. Посмотрите, например, тексты Библии или Евангелий. Они художественны. Повсюду – притчи, образный метафорический язык и, тем не менее, язык жизни, даже проза жизни, не в переносном, а в непосредственном значении этого термина. Я имею в виду субъективный характер мелочей, интимных, бытовых фактов реальности, составляющих земное бытие – жизнь.

---

¹ «20 лет я живу в непрерывной поэзии...» В.В. Розанов.

«Моя кухонная (прих.-расх.) книжка стоит «Писем- Тургенева к Виардо». Это – другое, но это такая же ось мира и, в сущности, такая же поэзия...» – так говорит об этом сам В.В. Розанов.

Не в этом ли коренное отличие живого народного творчества от богемных «изысков» и «умствований лукавых»? Тысяча конкретных мелочей, повседневных и функционально необходимых вещей, окружающих нас в действительности и с другой стороны – плоды декаданса, плоды пыжащегося перераста себя, помутившегося от славолюбия сознания. Сама жизнь – и мертворожденные монстры пустоты.

Таким образом, если рассматривать художественность, по крайней мере, как один из порядков, одну из ипостасей красоты, то напрашивается вывод о том, что не так уж далек от истины более чем известный тезис – «красота спасет мир».

Пустота, в сущности, трехмерна. А «лента Мебиуса» не укладывается в трехмерный мир, если точка выхода и возвращения человека в прямом и буквальном смысле та же.

Тут же или где-то рядом находится и аспект живописности, художественности самой природы в свете мысли ярко выраженной Николаем Заболоцким –

... что есть красота

И почему ее обожествляют люди?

Сосуд она, в котором – пустота

*Или огонь мерцающий в сосуде?*²

Нужно отметить, что одним из первых рассматривал Розанова, как художника, В.Б. Шкловский в своей работе 1921 года: «Розанов нашел новую тему. Целый разряд тем, тем обыденщины и семьи». В своей статье Шкловский, как бы между прочим, называет Розанова поэтом и дает характеристику его образной речи.

Правда еще Александр Блок в статье «Литературные итоги 1907 года» обмолвился: «И не нововременством своим и не «религиозно-философской» деятельностью дорог нам Розанов, а тайной своей, однодумьем своим, темными и страстными песнями о любви».

Позже Н.А. Бердяев и В.В. Зеньковский почти в один голос говорили о магии слова, присущей Розанову-писателю.

А теперь попробуем перевернуть полюса. Баратынский – мыслитель в душе и поэт по призванию. Розанов – в душе поэт и мыслитель по назначению. Все – наоборот. Вот – точки пересечения их личностей, характеров и судеб, а следовательно, их позиций, взглядов, и в итоге – мыслей и чувств.

² «Отчего в некрасивом есть своя красивость? И что это за новая красивость и где ее родник? Некоторые некрасивые лица, «так себе», – неотразимо влекут. Кажется, тут – красота прожитого, красота истории, смысл биографии. От этого множество «без биографии» лиц так, в сущности, отталкивающи: «ледяная» красота, «поверхностная» красота; красота кожи и часто только пудры. Первая – Божья красота; вторая – красота человеческая». В.В. Розанов.

Пожалуй, уже слишком часто цитируются слова Пушкина о Евгении Абрамовиче Баратынском, но и мне не удастся обойти их, ибо не хочется заменять их другими, в них есть полнота понимания всей сущности поэта.

«Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко.

Но лета идут <...> понятия становятся выше, чувства изменяются. А читатели те же или разве сделались холоднее сердцами и равнодушнее к поэзии жизни. (Выделенно мной.) Поэт отделяется от них и мало помалу уединяется совершенно. Он творит для самого себя и, если изредка еще обнаруживает свои произведения, то встречает холодность, невнимание и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии, как он уединенных, затерянных в свете».

Разве мы сегодня, зная отклики современников Розанова и нынешних критиков на его книги, читая его собственные сочинения, не могли бы отнести эти слова к нему, заменив только имя и определение – «поэт»?

«Просто – мне нужно. Ах, добрый читатель, я уже давно пишу «без читателя», – просто потому, что нравится. Как «без читателя» и издаю...<...> Пишу для каких-то «неведомых друзей» и хоть «ни для кому»...»

Разве не мог бы Баратынский сказать эти слова о себе? Но ведь это начало книги В.В. Розанова «Уединенное».

В этом – все. Так будет почти всегда. С этого и начинается близкое в их судьбах.

И действительно зрелый Розанов также не понимался, не воспринимался большинством современников. Кажущееся упрощение его языка было на самом деле достижением более высокого уровня познания, усложнением мировосприятия, передачи мыслей, выражения идей. Насколько проще систематический, схематический подход к реальности, в основе, в центре которого лежит миф – принятая за аксиому схема. Розанов отказался от схемы (Трактат «О понимании») перейдя к поэзии жизни, к шуршанию под ногами «опавших листьев».

Самое начало творческой деятельности связано у Баратынского и у Розанова с потрясением, переживанием, острым и сильным впечатлением.

«...именно в такое время, когда он был угнетаем и тягостною участию и еще более тягостным чувством, что заслужил ее, в нем пробудилось дарование поэзии. Баратынский ужасно страдал всю жизнь от судьбы и от людей» – так говорит о поэте В.А. Жуковский.

И опять слова Василия Андреевича могли бы относиться к Розанову, который сам не раз писал о творческом импульсе, возникшем у него после незаконной женитьбы на Варваре Дмитриевне Бутягиной и о страданиях, которые им пришлось перенести в связи с этим.

Существует один забавный американский психологический тест, основанный на зрительном, визуальном подходе. 12 неоконченных рисунков предлагается дополнить, завершить. По одному из рисунков определяется характер, способ, форма мышления, точнее, я бы сказал – импульс мышления, то, что лежит в основе его, движущий фактор. Мое мышление вышло по этому тесту символическим и, наверное, это так. Но вот мышление Розанова и Баратынского, мне кажется, было бы определено, как чувственное, эмоциональное, где в корне всего лежит чувство, ощущение.

«Нет ничего в уме, чего бы не было раньше в ощущениях» – этот принцип Дж. Локка может быть верен в частном случае и в отношении только к мысли (идее), а не к сознанию (душе) в целом. Недаром в словах Пушкина о Баратынском – «мыслит по своему <...> между тем как чувствует сильно и глубоко». Известны также слова Флоренского о Розанове, подтверждающие эмоциональность мышления последнего. «Если бы действовать на него <Розанова> не логически, а психологически, то он (– и это не было бы корыстно, расчетливо, а произошло бы само собою –) стал бы говорить иное, хотя и не по существу, а – по адресу». (См. письмо П.А. Флоренского к М.И. Лутохину.)

Понятно, что у таких людей не только мысли следуют за эмоциями, но и эмоции – за мыслями, т.е. одно фактически ведет за собой другое. «Апокалипсис» – революционный октябрь в конечном счете явился причиной смерти Василия Васильевича. И... слова доктора о болезни жены «так встревожили Баратынского, что он сам почувствовал лихорадочный припадок, который ночью усилился. На другое утро <...> Баратынский скончался скоропостижно» – так передает трагическую смерть поэта П.А. Плетнев.

О сходстве характеров обоих говорят хотя бы следующие сравнения или сопоставления: Баратынский писал о себе В.А. Жуковскому – «...много сделал негодного по случаю, но всегда любил хорошее по склонности». А вот собственное признание В. Розанова: «Хотел бы я быть только хорошим? Было бы скучно. Но чего я ни за что не хотел бы, это быть злым, вредительным. Тут я предпочел бы умереть».

И еще – об отношении к нравственности и морали –

«Пускай другие чтут приличия законы!» – писал Баратынский в элегии «Я возвращуся к вам, поля моих отцов...». «Миллионы лет прошло, пока моя душа выпущена была погулять на белый свет; и вдруг бы я ей сказал: ты, душенька, не забывай и гуляй «по морали»...» – еще одно признание Розанова.

В характере обоих – острое неприятие смерти. Например: «Смерти я совершенно не могу перенести...» – цитата из «Опавших листьев» Розанова и

И далеко ищут, как жеребий мой ни строг,

Я жить и бедствовать услужливый предлог –

цитата из стихотворения Баратынского «Из А. Шенье».

Одновременно, потусторонний мир в свете христианства представлялся им местом восторга, радости. «Опять, когда умру, повеселею я...» – писал Баратынский

в послании Богдановичу. «На «том свете» мы будем немыми. И восторг переполнит наши души» – одно из характерных высказываний В. Розанова на эту тему.

Итак, по чувствам, по ощущениям они оба – Баратынский и Розанов испытывали и исповедали любовь к миру, к земному миру вообще и неприятие его, точнее боль и ответственность за него через частности, лично к ним относящиеся факты. Отсюда и антиномии и кажущаяся формальная противоречивость³ суждений и мыслей. «Певец Пиров и грусти томной» – говорит о Баратынском Пушкин. В этих словах подчеркнута вся глубокая контрастность личности поэта – мыслителя. Антиномии Розанова уже достаточно освещены в современных исследованиях.

Есть мнение, точка зрения – что нельзя творить в состоянии «аффекта», эмоционального переживания. Например, когда актер испытывает настоящий страх, он не должен играть испуганного человека на сцене, а художник не должен писать картину, именно в тот момент волнующую его. Ответ таков: Я не умею (да и не думаю, что это необходимо уметь) управлять вдохновением. Второе – когда идея не трогает, не воодушевляет, как ни тужься – ничего не напишешь. В американском фильме «Трюкач» жестокий режиссер специально заставляет актеров испытать те ощущения, которые они должны сыграть во время съемок: злость, страх, горе. Лично мне стихи (поэзия) всегда помогают пережить глубокие стрессовые ситуации. Они для меня – что-то вроде спасительных молитв («соломинок»), Бог знает чего, символов, наверное.

Я просто чувствую, что если напишу, значит внесу в мир что-то положительное, какую-то позитивную энергию, в каком-то смысле «компенсирующую» потерю (зашивающую рану, заполняющую пустоту) или защищающую, предотвращающую потерю. Без глубокого сильного переживания не случится произведение искусства. Мне поэзия помогает успокоиться, прийти в себя. Я – написал, значит все будет хорошо – это глобальное мое убеждение. Более того, я в глубине души уверен, что стихи почти наверняка могут остановить движущийся поезд! Да, что – поезд?! Планету! Звезды! Время?! Не знаю насчет времени. Если оно имеет отношение к Богу и божественной сущности, то, конечно, нет.

Состояние покоя, осмысления, переосмысления переживания необходимо для стихов. Но когда оно наступает? Через час? Два? Год? В те минуты жизни, жизненно важные моменты, экстремальные ситуации человек концентрирует в себе всю свою силу, всю энергию. В экстремуме он проявляется. Можно успокоиться и за минуту, и даже с помощью тех же стихов. Кроме того, если сильно воодушевлен, то это одушевление тебя никуда не отпустит, пока ты не выразишь его, не поделишься с миром, с листом бумаги. Так и будешь «дрожать» этим, пока не воплотишь в слове, в картине, в монологе со сцены.

«Выразить переживание – это значит разрешить его» – писал Баратынский.

«Всякое движение души у меня сопровождается выговариванием. И всякое выговаривание я хочу непременно записать. Это – инстинкт...» – эти слова

³ О противоречиях в себе Баратынский говорил в послании П.А. Вяземскому («Сумерки»).

принадлежат Розанову. И еще: «Я же в сущности «ни для чего писал», «для себя писал» с неотделимым всегда впечатлением, что это «прекрасно и правдиво», «есть» и «должно быть написано»», – говорит Розанов в своей книге «После Сахарны». А вот что по поводу «пишу для себя» подсказало Баратынскому его поэтическое вдохновение:

*Не вечный для времен, я вечен для себя:
Не одному ль воображенью
Гроза их что-то говорит?
Мгновенье мне принадлежит,
Как я принадлежу мгновенью!
Что нужды до былых иль будущих племен?
Я не для них бренчу незвонкими струнами;
Я, невнимаемый, довольно награжден
За звуки звуками, а за мечты мечтами.*

Отсюда вся интимность, дневниковость, уединенность творчества обоих. Мандельштам сравнивает поэзию Баратынского с письмом, запечатанным в бутылку и брошенным в море. «Письмо, запечатанное в бутылке, адресовано тому, кто найдет ее. Нашел я. Значит, я и есть таинственный адресат». В этом – весь личный, интимный характер поэзии Баратынского. Надо сказать, что Розанов считал именно личные письма настоящей литературой и много раз говорил об этом.

По поводу вечного и мгновенного В.В. Розанов говорит так: «Смысл – не в Вечном, смысл в Мгновениях.

Мгновения-то и вечны, а Вечное – только «обстановка» для них. Квартира для жильца. Мгновение – жилец, мгновения – «я», Солнце».

Никогда нельзя знать наверное, что именно хотел выразить автор. Восприятие также индивидуально, как творчество. Читатель и автор взаимосвязаны только посредством связи всех явлений. Все трактовки и комментарии относительны. Порой, сам не знаешь, что пишешь и что написал. У Розанова на эту тему сказано: «Ах, книги, книги... Сочинения, сочинения... Что-то несется в душе. Кому? Зачем? Знаем ли мы источник, корень написанного? В особенности, понимаем ли мы смысл написанного, и автор, и читатель? Читает книгу одно поколение, читает книгу другое поколение. Всем она одно скажет?...» (Предисловие к книге «В Сахарне»).

Поэтому, я воспринимаю любые интерпретации только как утверждение собственного взгляда, заявление своего места, своей личной мысли: Я понимаю это так, я воспринимаю это так и хочу в свою очередь поделиться своим... Конечно, многие мысли в книгах слишком очевидны, особенно в частностях, в мелочах, в мгновениях. Тем не менее, тон их, фокус их, тайное течение, подспудное существо их, оттенок их все равно не обозначен явно и нам не известен. А мы то, обычно, даем трактовку и объяснение именно оттенку и тону.

И все-таки приходится мыслить логически, другой инструмент познания – художественность – для поэзии.

Еще о судьбах Баратынского и Розанова.

Браки у обоих поэтов были счастливыми. Розанов женился, как я уже говорил, на В.Д. Бутягиной (урожд. Рудневой) («Моя невеста, а теперь жена <...> кроткая, но без всякой вялости» / из письма К. Леонтьеву), а Баратынский – на Анастасии Львовне Энгельгардт («...главное дело в том, что Бог мне дал добрую жену...» / из письма Н.М. Коншину) тоже «исключительной женщине». Известные факты их биографий – то, что жены были у них первыми читателями, судьями и ценителями их произведений. Обе женщины участвовали напрямую в творческом процессе мужей и были не только матерями их детей, хранительницами семьи, очага, но и друзьями, сподвижниками, близкими во всех духовных сферах бытия. Идеал брака для Розанова был в любви и взаимопонимании, в спокойствии, уюте и обилии детей. Это самое и было в семье, в доме Баратынских. Значит, поэт, не оговаривая этого идеала⁴, так же подспудно стремился к нему. У Розанова есть интересная мысль о том, что семья в счастливом браке живет несколько уединенно, обособленно, не любит ходить в гости, принимать гостей. Супруги счастливы друг с другом и не ищут «отдыха» на стороне (здесь не идет речь об измене). Так было и у Баратынских. Смотрите, например, письмо С.Л. Пушкина к дочери О.С. Павлицевой.

Розанов пишет о любви так: «Любить – значит «не могу без тебя быть», «мне тяжело без тебя», «везде скучно, где не ты».

Это внешнее описание, но самое точное». («Опавшие листья». Короб второй).

Я думаю, Василий Васильевич мог бы сказать жене то же, что Баратынский говорил своей в прекрасных поэтических строках:

*Когда, дитя и страсти и сомненья,
Поэт взглянул глубоко на тебя,
Решилась ты делить его волненья,
В нем таинство печали полюбя.
Ты смелая и кроткая, со мною
В мой дикий ад сошла рука с рукою.
Рай зрела в нем чудесная любовь.
О, сколько раз к тебе, святой и нежной,
Я приникал главой моей мятежной,
С тобой себе и небу веря вновь.*

Свидетельств этой моей мысли достаточно и в «Уединенном», и в «Опавших листьях», да и в других «автобиографических» произведениях Розанова.

Здесь рядом стоит вопрос о вере и помощи в вере. Богоборческие искания, похожие на сомнения Иова, по-видимому были свойственны обоим пи-

⁴ В сущности, ошибочное утверждение. На самом деле Баратынский говорил об этом: Вести желал бы вновь свой век непринужденный / В кругу детей, искусств и неги просвещенной... /Н.И. Гнедичу,1823/

сателям. Колебания и возврат к Христу и церкви нашли свое отражение в их автобиографических словах. «Как бы я мог быть, не там, где наша мамочка (Розанов называет так жену – Варвару Дмитриевну)? И я стал опять православным».

Небольшая ремарка. Самый «больной» вопрос Розанова – вопрос семьи и брака основывался на отношении к полу. Одно из стихотворений Баратынского 1825г. чуть ли не напрямую можно включить в книгу Розанова «Люди лунного света», где В.В. приводит примеры «урнингов», т.е. бесполох людей или людей с нулевым полом. Судите сами:

*Сердечным нежным языком
Я искушал ее сначала;
Она словам моим внимала
С тупым, бессмысленным лицом.
В ней разбудить огонь желаний
Еще надежду я хранил
И сладострастных осязаний
Язык живой употребил...
Она глядела так же тупо,
Потом разгневалась глупо.
Беги за нею, модный свет,
Пленяйся девою идеальной!
Владею тайной я печальной:
Ни сердца в ней, ни пола нет.⁵*

⁵ Кстати, поэма «Бал» Баратынского, по-моему, не что иное, как полемика с Пушкиным по вопросу пола (брака и любви). Александр Сергеевич в романе «Евгений Онегин» дает образ примерной и бездетной (бесплодной) жены – Татьяны, принесшей свое материнское предназначение в жертву верности и долгу. Об этом писал Розанов, например, в статье – «Еще о смерти Пушкина». Героиня Баратынского Нина не смиряется со своей долей и погибает от неразделенной любви, несмотря на то, что

Не утомлен ли слух людей
Молвой побед ее бесстыдных
И соблазнительных связей?.. –
говорит о княгине автор, а «мамушка седая» ее спрашивает:
Как погляжу я, полон дом
Не перечешь каким добром;
Ты роду-звания большого;
Твой князь приятного лица...
и дальше:
Ты позабыла Бога... да...

.....
А Он-то духом нашим правит,
Он охраняет нашу плоть...
Как это все в духе розановских мыслей о женской природе! (См. напр. стих. Баратынского «Цветок» о невыполнении женщиной своего главного предназначения).

Итак – сходность мышления, судеб, характеров... Но и сходство мыслей!
У Валерия Брюсова в статье «Священная жертва» о Баратынском сказано следующее: «...он посмел перенести в поэзию свое повседневное, житейское понимание мира». Можем сравнить с современной характеристикой розановского наследия. Вот одна из них: «Так называемое «обыденное сознание», над которым долго и успешно потешались философы, вдруг вышло с Розановым на уровень философии и даже религии», (Петр Палиевский. Литературная газета. Июнь 1989. N26)

Попробуем рассмотреть конкретнее, так сказать, – в деталях.

Первое, что бросается в глаза – это символическая переключка названий, которая вполне может оказаться и творческим заимствованием. Я имею в виду сборник «Сумерки» Баратынского и сборник «Сумерки просвещения» – одну из первых больших книг Розанова. Впечатление усиливается тем, что во втором стихотворении «Сумерек» у Баратынского читаем:

Исчезнули при свете просвещения

Поэзии ребяческие сны...

Если это только инсинуация, то, смею заметить – элегантная.

Еще.

В послании Богдановичу Баратынский пишет о новейших поэтах:

Пристала к Музам их немецких Муз хандра...⁶

.....

...Но что же! Все мараки

Ударилась потом в задумчивые враки,

Как быть писателю? в пустыне благодатной,

Забывши модный свет, забывши свет печатный,

Как ты, философ мой, таиться без греха,

Избрать в советники kota и петуха,

И, в тишине трудясь для собственного чувства,

В искусстве находить возмездие искусства!

Не знаю, читал ли Розанов эти стихи, но вот его собственные слова о том же предмете: «Как будто этот проклятый Гутенберг⁷ облизал своим медным языком всех писателей, и они все обездушились «в печати», потеряли лицо, характер...» («Уединенное»).

Для Розанова именно массовая печать была олицетворением причины обезличивания, умирания литературы и, культуры и цивилизации вообще.

«Нет ничего непонятнее и малоизвестнее, чем часто произносимые слова, которые выветрились, потеряли душу и теперь перебрасываются в речи и говоре. Возникли они – и тогда чувствовались. Потом тысячу лет повторялись –

⁶ Поэт считает В.А. Жуковского невольным проводником этого «германского духа». Аналогичная мысль есть у В. Розанова в статье «Три момента в истории русской критики».

⁷ Гутенберг Йоганн (139... – 1468), немецкий изобретатель книгопечатания.

и представляют собой то же, что паспорт без человека, или паспорт покойника. «Слово» – есть, «описание примет» – есть, а «он-то сам», вот – «его»-то и нет. Он лежит в гробу и на кладбище, скрестив руки в нем...» – писал Розанов. Приходит на память стихотворение другого поэта – знаменитое «Слово» Николая Гумилева⁸:

*Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова...*

Иными словами, теперь уже не то, что прежде, когда –

*Вития властвовал народным произволом, –
Он знал, кто он; он ведать мог,
Какой могучий правит Бог
Его торжественным глаголом...,*

как говорит сам Е.А. Баратынский в заключительном стихотворении «Сумерек» – «Рифма».

Итак, мы видим почти буквальное совпадение суждений Баратынского и Розанова о моде и печати.

Их взгляды на страдание тоже совпадают:

*Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам;
Не испытай его, нельзя понять и счастья... –*

говорит Баратынский.

«Только горе открывает нам великое и святое. До горя – прекрасное, доброе, даже большое. Но никогда – именно великого, именно святого...», – словно продолжает его мысль В.В. Розанов.

Здесь и одна из точек христианства. Понимание жертвы и милости. «Я милости хочу, не жертвы», – слова Иисуса. Только пройдя страдание, можно говорить о милости.

Истина. Оба мыслителя говорят о ней и о своем отношении к ней различными словами, но по сути опять одно и то же.

Истина говорит Баратынскому:

*Я бытия все прелести разрушу,
Но ум наставлю твой.
Я оболью суровым хладом душу,
Но дам душе покой...
Поэт отвергает ее:
Нет я не твой! в твоей науке строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня, кой-как моей дорогой
Один я побреду.*

⁸ Кстати сказать, Гумилев высоко ценил Баратынского и говорил, что если его книга в библиотеке на верхней полке, то не поленится, возьмет лестницу и достанет ее.

*И все-таки перед смертью –
Явись тогда! Раскрой тогда мне очи,
Мой разум просвети,
Чтоб жизнь презрев, я мог в обитель ночи
Безропотно сойти.⁹*

Тут, конечно, весь бунт против смертности человека, конечности земного бытия, против отрицания жизни телесной, тот же, что и у Розанова. Они оба протестовали против бестелесного, безжизненного в христианстве.

Но послушаем Розанова (из III части «Сахарны»): «Говорят, вечна одна истина, и только она.

И вечна одна добродетель. И тоже только она.

С такой надеждой можно бы жить, и ради этого осуществлять в себе истину и добродетель... <...> Но ведь этого нет.

Напротив, «истина» – это мелькание.

И добродетель «там где-то»...

Перед глазами именно не-истина и именно не-добродетель. Постоянно. <...> «Истину увидишь только в спину, уходящую за горизонт». И только отрада, что, умирая, мотаешь головой ей в спину. «Вот она! уходит! бегите за ней»...».

В другом месте, в «Опавших листьях» Розанов пишет: «Я не хочу истины, я хочу покоя». Не такой ли покой был дан Мастеру Богом в романе Булгакова?

Здесь же рядом стоит одна из главных проблем отношения человека с миром. Проблема познания, познания мира.

Концептуальный, систематический подход отвергается и Баратынским и Розановым. Оба видят в этом даже зло – сведение всего к шаблону, к штампу. Известное стихотворение из сборника «Сумерки»:

*Пока человек естества не пытал
Горнилом, весами и мерой,
Но детски вещаньям природы внимал,
Ловил ее знаменья с верой:
Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала...
.....
Но чувство презрев, он доверил уму;
Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.*

Основную мысль этого стихотворения просто можно резюмировать словами Василия Васильевича из статьи «Легенда о великом инквизиторе»: «Вни-

⁹ Ср.: «Умереть, узнав о себе окончательную истину, это так естественно, почти необходимо; для чего бы еще жить...?» / «О Достоевском», В.В. Розанов / «О мои грустные «опыты»... И зачем я захотел все знать. Теперь я уже не умру спокойно, как надеялся». В.В. Розанов.

мание к внешнему, став безраздельным, естественно углубилось и уточнилось; последовали открытия, каких не предполагали прежде, настали изобретения, которые справедливо вызывают изумление в самих изобретателях. Все это слишком объяснимо, слишком понятно, всего этого следовало ожидать еще два века назад. Но слишком же понятно и другое, что с этим неразъединимо слилось: постепенное затемнение и наконец утрата высшего смысла жизни).

Или:

«Суть «нашего времени», что оно все обращает в шаблон, схему и фразу...» – «Опавшие листья» Короб первый. В.В. Розанов.

Понятно, что при концептуальном подходе мир не познаваем. Нужен фактологический подход и именно на уровне мелочей быта, вещественных деталей составляющих мир. «Мы все люди и ужасно слабы. Но уже сказав «слабы» выиграла в силе, потому что выиграла в правде. Не нужно абсолютностей. Господь с ними. Ограничимся ограниченностью, кой-какой помощью друг другу, и вообще будем вместе», – пишет Розанов в предисловии к книге «В Сахарне».

Не возврат ли это к золотому прошлому, когда человек жил в единении с природой, не задумываясь, «зачем и почему», словно исполняя свой высший долг, завещанный, заповеданный ему стихией, Богом?

«Язычество – младенчество человечества», «утро человечества», – говорит Розанов, – «А христианство – вечер».

Мне представляется, что христианство – юность, отрочество, время когда по словам самого Розанова, человек бунтует, ищет, мятется. До зрелости еще далеко.

Так же, как Баратынский, Розанов мечтает о новом витке спирали бытия:

«Люди станут опять свободны от «пишущей братии», – и м.б., тогда выучатся танцевать, устраивать рауты, полюбят музыку, полюбят обедню, будут опять любить свято и чистосердечно. Будут счастливы и серьезны». Причина отхода человека от природы, а, может быть, наоборот – следствие его: «утрата вкуса к действительности», одновременно – это источник бунта и недовольства, т.е. двигатель новых преобразований и «пыток». Розанов писал о потере чувства действительности в статье – «Где истинный источник «Борьбы века»?» (1895). А Баратынский говорил о том же явлении в послании Богдановичу –

И на лице земли все как-то не по ним...

Что сказать? Думаю, что в каждом веке бывает свое «страшное». И в нашем тоже.

Невозможно в короткой статье сделать полный сравнительный анализ двух судеб, двух мировоззрений. Впечатление сходства будет полным, если вдумчиво, внимательно прочитать хотя бы частично книги обоих. Конечно, на что-то они смотрели и по-разному, понимали что-то различно. Да и в сходстве своем оставались более чем индивидуальны, оригинальны, самостоятельны.

У Георгия Адамовича в статье о Борисе Зайцеве я встретил косвенное сопоставление миропониманий Баратынского и Розанова. Как бы в контрпример зайцевскому «розовому раю» («розовому христианству») Адамович приводит цитату из Баратынского:

*И на строгий свой рай
Силы сердцу подай!*

Мы знаем, что Розанов неоднозначно относился к христианству. С одной стороны – «Религия, как свет и радость», а с другой – «Темный лик». Я думаю, что в свете вышесказанного, понятно, что главным для него было все же «свет и радость».

Розанов и Баратынский.

Да, у них были схожие отношения к эволюции, к преобразователям мира, к позитивизму в целом. Они оба смотрели на мир из своих «углов» («уголков»), но главное, что их объединяло, это любовь к жизни, к действительности, к природе в бытовом и общем существе ее. И один, и другой не разделяли веселости, словно бы не понимали ее, но в сердце безотчетно стремились к ней, к примирению противоречий, к точкам пересечения, соприкосновения. И, возможно, каждый по-своему, приходили к одному. Многообразие мира – его неизъясненность, загадочность и есть нужное и прекрасное. Не надо только преодолевать мир. Нужно быть на своем месте и любить это свое место, потому что свое, для себя.

«Истинное отношение каждого только к самому себе. <...> Лишь там, где субъект и объект – одно, исчезает неправда...» – В.В. Розанов.

Ну вот, еще одна «схема» готова – можно спать спокойно.

P.S. Конечно, дело не в схеме, а в самом изображении. Что бы вы сказали, если, вместо этой статьи, я бы написал другую – «Проза неба. Точки оттачивания» с теми же героями, разумеется?

Конечно, концепция только часть (мгновение) подлинной реальности. А мы-то думали...

ЯВЛЕНИЕ ГЕРОЯ. ПОЭЗИЯ И ПОЛЬЗА

(«Жизнеописание Чернышевского» из романа «Дар» Владимира Набокова)

К Чернышевскому я всегда прикидывал не те мерки: мыслителя, писателя, ...даже политика. Тут везде он ничего особенного собою не представляет, а иногда представляет смешное и претенциозное.

В. В. Розанов. «Уединенное»

Прекрасное положительнее полезного, оно принадлежит нам в большей собственности, оно проникает все существо наше, между тем как остальное едва нами осязается.

Е. А. Баратынский. Письмо И. В. Киреевскому

I

«Душа окунается в мгновенный сон, – и вот, с особой театральной яркостью, восставших из мертвых, к нам навстречу выходят: с длинной тростью, в шелковой рясе гранатного колера, с вышитым поясом на большом животе о. Гавриил, и с ним, уже освещенный солнцем, весьма привлекательный мальчик: розовый, неуклюжий, нежный...»

С первых строк...

Да, остановимся здесь на время.

С первых строк «Биография Чернышевского» чем-то неуловимо напоминает нам начало повествования о Понтии Пилате из романа «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова¹: «В белом плаще с кровавым подбоем, широкой кавалерийской походкой, ранним утром 14 числа весеннего месяца насана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат».

Эта почти незаметная концептуальная близость внешнего построения фразы от эпитета к имени, от определения к наименованию, от описания к названию разворачивается в дальнейшем в более широкую и тонкую сферу параллелизмов. Вспомним, что и первая глава романа Булгакова начинается похоже: от описания действующих лиц – к их отождествлению. Здесь видна некая подспудная театрализация. Сначала на сцене возникает актер – действующее лицо и мы, словно из программки, услужливо снабженной автором комментариями костюмов, узнаем имя его персонажа, а уж потом раздвигается занавес и откуда-то сверху медленно опускаются запоздавшие, замешкавшиеся декорации. Я бы назвал такое начало – явлением героя, если бы не был уверен в том, что это уже сделано задолго до меня – «Картина вторая, явление первое».

Кроме чисто стилистического сходства несомненно лежащего на самой взволнованной поверхности соприкосновения с миром набоковского и булгаковского

¹ Оба романа создавались примерно в одно время с 29-го по 37-й г.

произведений (имеется в виду жанр – роман в романе или книга в книге в обоих случаях), постепенно начинает проступать не менее отчетливо и их композиционная синхронность. Роман о Пилате в сущности был и романом о Христе. «Жизнеописание Чернышевского», в свою очередь, содержит в себе карикатурные аллюзии к «Евангелию».

«Ангельская ясность» глаз и солнечный ореол над головой нежного мальчика Николая трансформируются в «уловление душ человеческих», «Второго Спасителя» и «Голгофу революции».

Разумеется, связь эта может рассматриваться не только как рациональная, но и как иррациональная, трансцендентная.

В набоковском номере «Звезды» (11.96.), в замечательной статье Норы Букс – «Эшафот в хрустальном дворце» подробно рассматривается тематическая и психодинамическая связь «Жизнеописания Чернышевского» с «Приглашением на казнь». С выводами этой работы невозможно не согласиться. Именно поэтому, позволю себе воспользоваться раз или два wybranными ее автором цитатами.

Итак, «Приглашение на казнь» по данным Норы Букс написано Набоковым летом 1934 г., сразу после IV главы «Дара» – «Жизнеописания Чернышевского». Сегодняшний текст романа Булгакова восстановлен после 1932. Следовательно, можно говорить об обратной опосредованной связи «Жизни Чернышевского» и романа «Мастер и Маргарита» через «Приглашение на казнь».

В «Приглашении на казнь» – тот же фантастический реализм, что и у Булгакова, тот же лейтмотив пародии на социальную действительность, окружающую героя. Кроме того, существуют и более конкретные точки соприкосновения – обнаженные нервы, вздрагивающие от малейшего касания.

Воспользуемся фрагментом рассуждения Норы Букс, заранее извиняясь за бесцеремонность и благодаря за нечаянную помощь: «Мать Цинцинната «зачала его ночью на прудах (усеченное название реального района Москвы «Чистые пруды» подчеркивает пародийность ситуации – Н.Б.), когда была совсем девочкой». Выхватывая из контекста фразу, я обращаю внимание только на то, что роман Булгакова начинается с происшествия на Патриарших прудах.

Еще один фрагмент: «Параллелизм образов Цинцинната и Чернышевского отражен и в их тюремном костюме: Цинциннат одет «в черный халатик» <...> философская ермолка на макушке...». Чернышевский сидел «в байковом халате, картузе, – собственный головной убор разрешался, если это только не был цилиндр...». /Нора Букс/. Герой Булгакова Мастер, находясь в заточении в психлечебнице, тоже надевает, как некий символ индивидуальности, «засаленную черную шапочку», кстати, попавшую в роман, несомненно, из «Белой гвардии». О больничном халате, довершающем одежду Мастера, легко догадаться.

И еще одно: кульминационная точка, эпицентр «Приглашения на казнь» находится, на мой взгляд, в том месте, где читатель «догадывается» о том – кто стал соседом Цинцинната в Крепости. Эта «догадка» – настоящее соприкосно-

вление с заповедной реальностью тонкого мира. Внешне она похожа на преждевременное разоблачение читателем преступника в плохом детективе. Но здесь – явление иного порядка. На этот раз у читателя появляется на губах газированное ощущение открытия, озарения. Автору, в данном случае Набокову, (не думаю, что можно сделать это специально – М.Ш.), удастся поговорить с читателем по душам, ввести читателя в мир романа настолько, чтобы сделать его самого непосредственным действующим лицом и дать возможность не только понять, пережить, прочувствовать происходящее, но и опередить повествование – только угадать не следующий сюжетный ход, а действительную правду жизни. Это еще одна степень или ступень доверия читателя автору.

II

Все мы знаем о негативном отношении Набокова к Достоевскому.

Не касаясь самой традиции фантастического реализма, в которой работали многие авторы, и, ссылаясь на авторитетное мнение Норы Букс из вышеуказанной статьи о параллелях между «Приглашением на казнь» и «Преступлением и наказанием», добавлю следующее.

Зинаида Шаховская в своей книге «В поисках Набокова», в главе, посвященной отношению Набокова к Достоевскому, совершенно справедливо замечает: «Почему Набокову хочется «уничтожить» Достоевского? <...> Как будто он (Набоков – М.Ш.) боялся, что вдруг кто-нибудь заметит, несмотря на все, что их разделяет, есть и то, что позволяет их сравнивать». Конец цитаты.

В рассматриваемой нами «биографии Чернышевского» Набоков тоже не удержался от шпильки, от щелчка Федору Михайловичу: «Никогда власти не дождалась от него (Чернышевского – М.Ш.) тех смиренно-просительных посланий, которые, например, унтер-офицер Достоевский обращал из Семипалатинска к сильным мира сего», несмотря на то, что сама «биография – жизнеописание» (карикатурное житие) вполне могла вырасти вся из небольшой повестинекдота Достоевского «Крокодил». Федора Михайловича упрекали, что он вывел в ней пародийный комический образ Чернышевского. Теперь, уже, кажется, доказано, что это не так. Но сам прием, способ пародирования действительности в анекдоте все равно остается. И это противопоставление Чернышевского с его сентиментальностью, с его мечтательностью и любовью к основательности, непостоянному и слабохарактерному Достоевскому дает возможность иногда кощунственно подумать о том, что герой набоковского повествования хотя бы на какую-нибудь 1/5 или 1/7 часть – сам автор. Ностальгическая сентиментальность набоковской музы известна. А мечтательность и основательность, тоже были ему свойственны².

Начало цитаты: «Всегда испытывая влечение к точному определению отношений между предметами, он (Чернышевский – М.Ш.) любил планы, столбики цифр, наглядное изображение вещей, тем более, что недостижимую для

² См. материалы биографии В. Набокова.

него литературную изобразительность никак не могла заменить мучительная обстоятельность его слога», – я думаю, В.В. мог бы сказать это и о себе с известной долей патриотической самокритики, – «Вообще же был смиренный, открытый обидам – но втайне чувствовал себя способным на поступки «самые отчаянные, самые безумные»».

Вообще, вся атмосфера «жизнеописания» – атмосфера балаганной комедии, розыгрыша, анекдота, отчасти спровоцирована дневниками и книгами самого прототипа, отчасти подготовлена официальной советской пропагандой и в пику ей.

В библиографическом словаре «Русские писатели» (М. «Просвещение» 1990г.) в статье о Чернышевском читаем о герое «Пролога» Волгине, «в котором узнаются многие черты самого Ч.»: «Слова Волгина, объясняющие его отказ от обсуждения реформы (60г. – М.Ш.):»Жалкая нация, жалкая нация! Нация рабов, – снизу доверху, все сплошь рабы...» Ленин оценил как «слова настоящей любви к Родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения». Сейчас о тоске по отсутствию революционности невозможно читать без смеха – нерегламентированная патетика революции.

Анекдот в «жизнеописании» – повсюду: «...сам же (Чернышевский – М.Ш.) не сомневался в своей непривлекательности, мирясь с мыслью о ней, но дичась зеркал; все же иногда, собираясь в гости, особенно к своим лучшим друзьям Лободовским, или желая узнать причину неучтivity взгляда, мрачно всматривался в свое отражение, видел рыжеватый пух, точно прилипший к щекам, считал наливные прыщи – и тут же начинал их давить, да так жестоко, что потом не смел показываться», «У него был особенный тихий смешок (Толстого Льва бросавший в пот), но, когда хохотал, то закатывался и ревел оглушительно (издалека слышав эти рулады, Тургенев убежал)», «Теперь казалось ему (Чернышевскому – М.Ш.) необходим лишь день, лишь час исторического везения, мгновенного страстного союза случая с судьбой, чтобы взвиться. Революция ожидалась в 63 году, и в списке будущего конституционного министерства он значился премьер-министром», «...сам то он – впоследствии, в своей сибирской пустыне, где только в бреду ему иногда являлась живая и жадная аудитория, пронзительно жалел о вялости, о фиаско, пеня на себя, что не ухватился за тот единственный случай (раз все равно был обречен на гибель) и с кафедры в зале Руадзе не сказал железной и жгучей речи, той самой речи, которую герой его романа собирался, верно, сказать, когда по возвращении на волю, сел в пролетку и крикнул: «В Пассаж!»

А события шибко пошли той ветреной весной. Пожары! И вдруг на этом оранжево-черном фоне – видение: бегом, держась за шляпу, несется Достоевский: куда?

Духов день (28 мая 1862 г.) дует сильный ветер; пожар начался на Лиговке, а затем мазурики подожгли Апраксин Двор. Бежит Достоевский, мчатся пожарные, «и на окнах аптек в разноцветных шарах вверх ногами на миг отразились». А там густой дым повалил через Фонтанку по направлению к Чернышеву переулку, откуда вскоре поднялся новый черный столб... Между тем Достоевский прибежал.

Прибежал к сердцу черноты, к Чернышевскому и стал истерически его умолять приостановить все это. Тут заняты два момента: вера в адское могущество Николая Гавриловича и слухи о том, что поджоги велись по тому самому плану, который был составлен еще в 1849 году Петрашевцами».

Видимо пафос анекдотичности был изначально заложен природой в самой личности, фигуре, да, собственно, и в идеях Николая Гавриловича, если можно было принять «Крокодил» за пародию.

Вспоминаются литературные анекдоты Хармса с их карикатурно-сюрреалистическим изображением действительности:

«Однажды Чернышевский видел из окна своей мансарды, как Лермонтов вскочил на коня и крикнул: «В пассаж!» «Ну что же, – подумал Чернышевский, – «Вот, Бог даст, революция будет, тогда и я так крикну». И стал репетировать перед зеркалом, повторяя на разные лады: «В пассажж. В пассажжжж»; «Шел Пушкин по Тверскому бульвару и увидел Чернышевского. Подкрался и идет сзади. Мимо идущие литераторы кланяются Пушкину, а Чернышевский думает – ему. Радует. Достоевский, царство ему небесное, прошел – поклонился, Помяловский, Григорович – поклон. Гоголь прошел, засмеялся и ручкой сделал привет – тоже приятно. Тургенев – реверанс. Потом Пушкин ушел к Вяземскому чай пить. А тут навстречу – Толстой – молодой еще был, без бороды, в эполетах. И не посмотрел даже. Чернышевский потом написал в дневнике: «Все писатели хорошие, а Толстой – хам, потому что графф», и наконец, последний – о пожарах: «Однажды Федор Михайлович Достоевский, царство ему небесное, сидел у окна и курил. Докурил и выбросил окурочек в окно. Под окном у него была как раз керосиновая лавка, и окурочек угодил в бидон с керосином. Пламя конечно столбом. В одну ночь пол-Петербурга сгорело. Ну, посадили его, конечно. Отсидел, вышел. Идет в первый же день по Петербургу, навстречу – Петрашевский. Ничего ему не сказал, только руку пожал и в глаза посмотрел со значением».

И эта последняя картина растущих столбов пламени и дыма возвращает нас вновь к «Мастеру и Маргарите». «Адское могущество» Чернышевского, таким образом, не могло ли быть в какой-то мере прообразом могущества Воланда.

Да, видно, не в самый лучший для России день³ начал писать свой роман «Что делать?» бедный Николай Гаврилович. Даже само название превратилось в расхожий термин и анекдот, начиная с Розанова⁴:

«Что делать?» – спросил нетерпеливый петербургский юноша.

– Как что делать: если это лето – чистить ягоды и варить варенье: если зима – пить с этим вареньем чай». («Эмбрионы») и кончая фразой героя Ана-

³ 14 декабря роковой для России день восстания декабристов.

⁴ Кстати в «биографии» есть косвенный «экзистенциальный» намек на самого Розанова. Сравните, убеждение Чернышевского, что «выпрямить фунт шерсти полезнее, чем написать том стихов» и слова Розанова: «Нужно хорошо «вязать чулок своей жизни», и не помышлять об остальном. Остальное – в «судьбе»: и все равно там мы ничего не сделаем, а свое («чулок») испортим (через отвлечение внимания)».

толия Папанова из великолепного советского фильма «Берегись автомобиля»: «Что делать? Что делать? – Сухари сушить. Твой дом – тюрьма!»

В современной рекламной газете и то нашелся анекдот: «Чернышевский был импотент и даже от испуга роман написал – «Что делать?»».

А что касается исторической достоверности, то здесь Набоков пародирует всю нашу историческую литературу, основанную на мифах, а точнее, анекдотах.

III

Но по своему глубокому существу «биография Чернышевского» – это еще одна дерзкая и едкая отповедь Здравому Смыслу, против которого так часто выступал Владимир Набоков.

«Здравый смысл по сути своей аморален, поскольку естественная мораль человеческая иррациональна». («Искусство литературы и здравый смысл», «Звезда» 11.96)

Посмотрим на «жизнеописание»: «Но «Святой Дух» надобно заменить «Здравым смыслом». Ведь бедность порождает порок; ведь Христу следовало сперва каждого обуть и увенчать цветами, а уж потом проповедовать нравственность. Христос второй (Николай Гаврилович – М.Ш.) прежде всего поклонит с нуждой вещественной (тут поможет изобретенная нами машина). И странно сказать, но... что-то сбылось – да, что-то как будто сбылось».

Так мечтатель превращается в апологета (адепта) здравого смысла, по сути своей отрицающего всякую мечту. Веселый карусельный круговорот противоречий, рожденных этим несоответствием превращается в бесовское кружение, затягивающее в свою воронку, теряющего на лету части своего «Я», человека. Такова судьба героя набоковского повествования.

*И в призывном круженье и пенье
Я забытое что-то ловлю,
И любить начинаю томленьем,
Недоступность ограды люблю.⁵*

И соловьиный сад (читай – «город-сад», типичный для снов Веры Павловны) оборачивается тюрьмой, вернувшись из которой герой – Чернышевский не застает ни своего «дома», ни своей «работы», ни своего места в реальной жизни.

С одной стороны, Чернышевский – поэт и мечтатель, так убедительно похожий на героя статьи Бориса Парамонова «Губернатор едет к тете» («Звезда» 2.97) – Федорова-Сахалинского: «Потому что стихи были одной природы с коммунизмом: они были выдумкой, уходом от реальности, под видом ее сублимирующего преобразования».

Но, с другой стороны, Николай Гаврилович – прагматик, убежденный рационалист, способный по мнению Розанова на большие дела: «Конечно не использовать такую кипучую энергию, как у Чернышевского, для государственного строительства – было преступлением, граничащим со злодеянием. <...> Каким

⁵ А. Блок, «Соловиный сад».

образом наш вялый, безжизненный, не знающий, где найти «энергий» и «работников» государственный механизм не воспользовался этой «паровой машиной» или, вернее, «электрическим двигателем» – непостижимо». («Уединенное»).

Сам Чернышевский, очевидно, не слишком любил всякого рода мечтания и уходы от реальности, ибо радел о всеобщей пользе и материальной гармонии. Спор прекрасного и реального благополучно решался Николаем Гавриловичем в пользу последнего: «Действительность не только живее, но и совершеннее фантазии. Образы фантазии – только бледная и почти всегда неудачная переделка действительности; Прекрасное в объективной действительности вполне прекрасно; Прекрасное в объективной действительности совершенно удовлетворяет человека» – цитаты из диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» 1855 г.

Мечты, сказки, фантазии, мифы... так ли уж они негативны в истории и, в частности, в русской истории?

Я понимаю, да, отчасти и принимаю, мысль Бориса Парамонова о том, что «миф-поэзия» разрушает действительность. Но – когда? Ответ один – только тогда, когда миф превращается в идеологию, иными словами, в инструмент, в нечто прагматическое и рационалистическое. По Парамонову, независимо от его личной точки зрения и желания, иногда получается, что это именно поэты-мечтатели совершили революцию и разрушили русское общество, сместили объективный исторический процесс. Забавно, но в этом я нахожу, хотя и отдаленное, но все-таки сходство с мелькнувшей в одном из советских фильмов о гражданской войне мыслью. Несколько слов, сказанных белогвардейским офицером, выражающих, в каком-то смысле – общее, настроение добровольческой армии: «Когда придем в Петербург, всех повесить: Блока, Бальмонта, Северянина и т.д.». Не поручусь за дословную точность, но смысл именно такой, – «Это они развалили, растлили, уничтожили Россию». Впрочем, нужно признать и тот факт, что тотального уничтожения поэтов требовали и «растленные», большевистски настроенные деятели. Иначе не было бы расстрела Гумилева, гибели в лагерях и тюрьмах Мандельштама, Нарбута и других поэтов, беззастенчивой травли обэриутов.

Да, действительно, говоря словами Парамонова: «Явление губернатора-поэта, ожидающего фанфар, указывает на серьезные недостатки русского сознания – нереалистического, склонного к мечтам и звукам, а не к реальной жизненной работе». В сущности, эта же мысль была у Василия Васильевича Розанова в «Уединенном»: «Вечно мечтает, и всегда одна мысль – как бы уклониться от работы». Но тот же Розанов писал: «Да, но мечтатель отходит в сторону: потому что даже больше, чем пишу, – он любит мечту свою. А в революции – ничего для мечты», и еще: «Русский мечтатель и существует для разговора. Для чего же он существует? Не для дела же?» Кстати, себя Василий Васильевич относил именно к мечтателям: «Иное дело – мечта: тут я не подвиги».

гался даже на скупкул ни под каким воздействием и никогда <...> Почти пропорционально отсутствию воли к жизни (к реализации) у меня было упорство воли к мечте».

Да, «Вообразать легче, чем работать: вот происхождение социализма (по крайней мере ленивого русского социализма)», как справедливо утверждал Розанов в другом месте. И все-таки – «ленивого», все-таки революцию совершили деятельные энергичные рационалисты-прагматики, использовавшие русскую ленивую мечтательность в своих, корыстных или бескорыстных, целях. Стихи Чернышевского, как, впрочем, и губернатора Федорова и вообще всех подобных «поэтов» типа Марии Папер («Неудачники», В. Ходасевич) или Виктора Малышчука («Новые известия» №11, 19 ноября 1997г.), на самом деле – дальше от поэзии, чем исключительно талантливое и острополюемичное балагурство самого Бориса Парамонова. Так что с мыльной водой – ребенка бы не выплеснуть!

«Поэтизированность» по Парамонову, очевидно, представляет собой ни что иное, как «прелесть», если перевести дословно на язык православной догматики. Здесь можно ужаснуться, обнаружив, что все без исключения может привести человека к подобному состоянию. Не только стихи, которыми прельстился незадачливый губернатор, а и то же «скромное обаяние буржуазии».

«...быть рассудительным, уметь хорошо устроиться, узнать как выгоднее употреблять средства» – эти слова Чернышевского из «Дара» можно вполне принять за жизненное кредо рядового западного буржуа.

Впрочем, и Набокову не была чужда буржуазность, т.е. бытовой прагматизм. «Пишу для себя, а печатаю для денег» – собственно этого положения придерживался не только Пушкин, но и другие литераторы.

«Любая литература стоит столько, сколько за нее платят (гениев просят не беспокоиться)», – утверждает Парамонов. Сноска о гениях, я полагаю, не случайна. Известно из истории, что им-то, как раз чаще всего и не удается «продать» свои книги.

«Литература вся празднословие... Почти вся... Исключений убийственно мало», – если исходить из этого утверждения В. В. Розанова, то все нормально. Зачем же рассматривать гениальные исключения? Но дело в том, что исключения-то как раз и есть литература в собственном смысле слова, а остальное – макулатура. Писателю за его «макулатуру» часто платят большие деньги, а читателю – по очередному тарифу – 10 копеек за килограмм.

«Стихи – это для гениев, ни в коем случае не для деловых людей», «Время стихов прошло – в том смысле, что отныне их будут писать только настоящие поэты, а не кто попало», – утверждает Борис Парамонов. Но на самом деле, одно, как мне представляется, не исключает другого.

Гений вполне может быть деловым человеком, а настоящий поэт способен выдать на гора плохие стихи.

Гении встречаются несколько реже, чем просто талантливые люди и, если исключить «прельщенных», то именно талантливые и должны осуществлять рядовую рутинную литературную работу.

Русская поэзия, оставшаяся, благодаря усилиям «прельщенной» идеологии, без читателя, получила взамен массу прельстившихся легким заработком лжепоэтов. И я не уверен, что эти времена прошли или хотя бы проходят.

«Откровения самодержавной музыки» Мао Цзэ-Дуна, если разобраться, не так уж плохи:

*Волны озера Дунтин
К небесам возмечают снежную пену,
Песни людей с Долгого Острова землю колышут,
Я полон мечтаний о беспредельном,
О цветущей земле, сияющей под утренним солнцем.*

Чем не продолжатель утилитарно-прагматических сетований о будущей гармонии Чернышевского?

Нужно постоянно помнить о том, что «пока не требует поэта к священной жертве Аполлон», он (поэт), разумеется, остается обыкновенным рядовым человеком, таким же, как все, со своими достоинствами и недостатками. И все не так просто, чтобы уложиться в одну какую бы то ни было схему.

И потому, центр спора между поэзией и пользой – не здесь.

Настоящая поэзия, литература, мифология бесконечно далека от «инженерии человеческих душ» и никакого отношения к ней не имеет.

Спор по существу происходит между рациональным и иррациональным. И часто в одном и том же человеке эти стороны настолько переплетены, что никак невозможно отделить их одну от другой. Сравним, например, несколько высказываний В. В. Розанова:

«Жизнь – раба мечты. В истории истинно реальны только мечты. Они живучи. Их ни кислотой, ни огнем не возьмешь. Они распространяются, плодятся, «овладевают воздухом», вползают из головы в голову. Перед этим цепким существованием как рассыпчаты каменные стены, железные башни, хорошее вооружение. Против мечты нет ни щита, ни копья.

А факты в вечном полинянии»;

«Сапогов же никаким Пушкиным нельзя опровергнуть»;

«Техника, присоединившись к душе, дала ей всемогущество. Но она же ее и раздавила. Появилась «техническая душа» – *contradictio in adecto* (противоречие в определении).

И вдохновение умерло».

Кстати сказать, Василий Васильевич вообще-то говоря, разделяет (разграничивает) понятия «мечта» и «фантазия». Во втором письме к Горькому он пишет: «Задача мира воспринять мечту. Мечта не есть фантазия. Не есть роман. Мне думается иногда, что Бог сотворил сперва мечту и потом человека: так что она древнее даже и человека и хоть забывается на года, способность ее

теряется на века: но никогда окончательно, и, когда она будится - все ее понимают как что-то совершенно родное, всем близкое, всем сразу понятное – и идут за ней, как за «старой бабушкой» младенцы. Мечта – это и красота <...>, и истина, и справедливость, и доброта».

Так кто из них прав: Святой Дух или Здравый Смысл? А кто из них сильнее?

Кто такой Колумб – безответственный мечтатель или разумный деятель, ученый, практик?

По всей видимости, нельзя, стремясь к одному, напрочь зачеркивать другое. Если оставить поэзию поэтам и всем бросить навсегда мечтать и заняться делом, не получится ли тогда, что поэзия станет действительно не нужна, кроме той, которая приносит «реальную» пользу и поэзией в общем-то не является. Не сведется ли искусство, в частности литературное, к сочинению компьютерами броских бестселлеров, как в фантастической повести Фрица Лейбера «Серебряные яйцеглавы».

Смотрите, как забота о бытовом, о реальном, о живом, о пользе вытесняет сама себя и превращается в отрицание души, а, следовательно, – и жизни, и действительности. Известно, что благими намерениями дорога в ад вымощена. Наверное, это происходит от того, что отрицается иррациональность природы человека.

Смысл борьбы живого и мертвого, души и техники, плоти и разума, стихий, страстей и прагматически обостренной науки заложен и в «Антисексусе» Андрея Платонова, явно навеянном половыми темами и настроениями Розанова.

«Я за живое, мучающееся, смешное, зашедшее в тупик человеческое существо... <...> И еще потому я против всей этой механики, что я всегда стоял и буду стоять за конкретное, жалкое, смешное, но живое – и обещающее стать могущественным» – слова Чаплина – единственный отрицательный отклик на изобретение новейшего прибора, позволяющего преодолеть любовь, которая, «как установила современная наука, есть психологическое состояние, свойственное организмам с задатками нервного вырождения, а не здоровым деловым людям». Так что, может и недаром неисправимый мечтатель Василий Розанов называл себя «психопатом»⁶, а?

Посмотрим еще один рекламный отрывок из «Антисексуса»: «Нет сомнения, исторический оптимум есть всеобъемлющее регулирование вселенной мозгом человека, – регулирование, которое должно предстать перед нами в виде трансформатора, превращающего стихии в закономерные автоматы».

Любопытно, что на слова оппонента «Антисексусу» Чарли Чаплина реакция весьма простая – учтем пожелания, запрограммируем и живое, мучающееся, смешное... Не предвидение ли это, в буквальном смысле, виртуального пространства, куда смогут время от времени погружаться, лишенные мечты и фантазии, здравомыслящие деловые люди.

---

⁶ «Уединенное».

А вдруг, да и прав один из героев рассказа Платонова, утверждающий: «Будущее принадлежит цивилизации, а не культуре: будущее завоюет душевно-мертвый, интеллектуально-пессимистический человек».

Конечно, я несколько утрирую философскую концепцию Бориса Парамонова, довожу ее так сказать до предельной консистенции, вблизи которой маячит фигура, если не реального, то, по крайней мере, мифического набоковско-го героя – Чернышевского. Не исключено, что некоторыми людьми философия Б. Парамонова интерпретируется для себя именно так. Если сравнивать, к примеру Фрейда, последователем которого в какой-то степени является Парамонов, и В. В. Розанова, можно привести мнение о Василии Зеньковском: «Вся метафизика человека сосредоточена для Розанова в тайне пола, – но это абсолютно далеко от пансексуализма Фрейда, ибо все в тайне пола очеловечено у Розанова». Да и сам Розанов писал: «Боль жизни гораздо могущественнее интереса к жизни. Вот отчего религия всегда будет побеждать философию».

А в контексте мысли Парамонова, высказанной им в одной из передач по русским вопросам на радио-«Свобода»: «Церковь на Западе с большим успехом заменяет кушетка психоаналитика, что и дешевле и эффективнее», (Прошу прощения у автора, за цитирование по памяти, надеюсь, что не погрешил против смысла), можно вспомнить слова Версилова из романа «Подросток» Достоевского: «Я не мог не представлять себе временами, как будет жить человек без Бога и возможно ли это когда-нибудь». Так что рановато говорить о несовременности и ненужности сегодняшним читателям Ф. М. Достоевского.

Спор еще не закончен. Да, и не может быть закончен. Без здравого смысла тоже не обойтись, особенно сейчас, но только, «когда не требует поэта...», потому что без того, «что ни съесть, ни выпить, ни поцеловать...» тоже как-то скучно, да и человек заметно деградирует, если мечтать совсем перестанет.

«Сказка ложь, да в ней намек – добрым молодцам урок» – авторитетно гласит поговорка. Таким образом, сказка миф, мечта, поэзия – оказывается нужной, действенной, да еще и актуально прагматичной к тому же.

Все в мире переплетено и перепутано так, что «и рад бы заплакать, да смех одолел».

А что есть народная поговорка? – О ее значении хорошо сказано у Баратынского:

*Старательно мы наблюдаем свет,
Старательно людей мы наблюдаем.
И чудеса постигнуть уповаем.
Какой же плод науки долгих лет?
Что наконец подсмотрят очи зорки?
Что наконец поймет надменный ум
На высоте всех опытов и дум,
Что? –
Точный смысл народной поговорки.*

ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ

«Что же, наши грамотеи переоценят все ценности».

В. В. Розанов

«...всякий бунт против власти начинается с развенчания возвысившей ее тайны».

Л. М. Леонов

Ни для кого не секрет, что вчера, сегодня, да, вероятнее всего, и завтра мы переживаем и будем переживать очередную переоценку ценностей. К примеру, демократия – можно сказать, с каждой минутой теряет вес в глазах общественного мнения. С каждым днем все больше разуверившихся в ее целительной силе и спасительной миссии. На самом деле, «американская идея», перенесенная на русскую почву и приспособленная под текущий исторический момент, оказалась все той же голубой мечтой о золотом веке на российской земле.

Я полагаю, что наша общая отличительная черта в том, что мы все, вплоть до каждого человека, силится примирить в себе Запад и Восток, как бы соединить в себе два полярных духовных начала.

Как бы то ни было, в России, по крайней мере, со времени возникновения русской государственной идеи существуют два основных идеологических учения – славянофильство и западничество. Их нужно воспринимать с достаточной долей условности, ибо не только отдельные представители, но и сами эти идеологии имеют в себе характерные особенности, присущие и тому и другому направлению. Так что, порой не поймешь – «кто есть кто» и ориентируешься только на заявления главных идеологов. Кроме того, мои интерпретации определения этих течений будут несколько отличаться от традиционных. Я «заимствую» эти определения у В. В. Розанова, используя характеристики арийского и семитического племен, данные им в работе «Место христианства в истории» (1). Западников я «отождествляю» с ариями, а славянофилов – с семитами. И вот, что получится: Особый склад души западника определяет объективность. Ум, чувство, воля – все силы душевные у них направлены к внешнему, навстречу впечатлениям, идущим снаружи; сущность психического склада славянофилов, в противоположность западникам, составляет субъективность. Они никогда не смотрят с интересом на окружающий мир, и в идеале, в «пределе» отвергают науку и технический прогресс. Их дух всегда обращен внутрь себя, не чувствует природы и отвращается от жизни, при этом стараясь сохранить чистоту свою и остаться подлинным дыханием Божества.

В той же работе Розанов утверждает, что христианская цивилизация, пришедшая на смену «язычеству» – есть «полное слияние в нас самих и во всем,

что мы делаем и что создаем, элементов семитического духа с элементами духа арийского». Есть все основания утверждать, что у нас такого «полного» слияния не произошло. И мы только пытаемся это слияние осуществить, стремясь к одному и тому же и с западных и со славянофильских позиций.

На сегодняшний день эти два направления в нашей национальной культуре подразделились на неопределенное количество более мелких ответвлений¹. Рассмотрим, наиболее ярко выраженные из них, условно обозначаемые как язычество, православие, коммунизм и «американская мечта».

Важно, что все они сейчас находятся в стадии кризиса, потому что полностью дискредитированы перед лицом общественного сознания.

Кроме того, на фоне противоборства этих течений происходит еще одно скрытое столкновение – столкновение материальных и духовных ценностей. «Арбитром» в этом последнем поединке выступает мораль со своей этикой и эстетикой.

Дискредитация общественной государственной идеи или системы ценностей ведет к ее вырождению и, в итоге, – к смене общественной ориентации. Более того, если все человечество разочаруется (разуверится) во всех без исключения системах ценностей (идеологиях, философиях, религиях), а, в конечном счете, – в институтах власти, проводящих политику, основанную на всех возможных ценностных ориентациях, то и наступит то время, когда, как утверждает святоотеческое богословие, перед концом мира ни в одной стране не будет ни одного правительства (2). Таким образом, тезис о том, что «никакой режим не терпит, чтобы его до конца понимали и продумывали», выдвинутый А. Ф. Лосевым (3) приобретает еще один – ноуменальный смысл, так как «понимание» ведет к переоценке, которая разрушает любой режим.

Казалось бы, язычество имело под собой, в основе своей, ценности духовные (обожествление природы, поиск духовного начала, поклонение невидимому невещественному миру).

Пока человек естества не пытал
Горнилом, весами и мерой,
Но детски вещаньям природы внимал,
Ловил ее знаменья с верой. (4)

Но любой колдун, жрец или шаман являлся полновластным хозяином положения и законодателем морали. Нетрудно догадаться, что, на самом деле, язычество в корне своем, в сущности своей было ориентировано на материальные ценности. Все чаяния и деяния язычника подчинялись материальному стимулу. Жрецы «овеществляли» невещественные демонические силы для покорения человека и для получения материальных выгод и благ. Можно предположить, что само изобилие природных сил, языческих богов или идолов привело к постепенному затушевыванию и, в конце концов, к погашению их роли в общественном сознании. Их перестали бояться, а, значит, и перестали в них верить. Наряду с этим, ежедневная расшифровка тайнописи природы по-

¹ См., например, журнал «Советская литература», N 3, 1990г.

зволяла противопоставить слепой вере – конкретное знание. И, наконец, появилась альтернатива – Откровение, а затем и Благая Весть о доминанте духовных ценностей над материальными. Подчиняя себе материальные силы с помощью знания, а не суеверия, человек постепенно убедился в их небожественности и явной слабости по сравнению с Божеством².

Традиционный божок маленького племени уже не обеспечивал защиту материального богатства, накопленного его почитателями, следовательно, перестал выполнять свою основную функцию, несмотря на человеческие жертвы, /имеющие место и у древних славян (5)/, которые, кстати сказать, являются фактом, дискредитирующим саму идею язычества уже в нашем сегодняшнем мировоззрении.

Потеря авторитета русской православной церковью началась, по крайней мере, еще при Иване Грозном, а именно, с внедрения в идеологию нового отношения к царю, как помазаннику Божьему, и провозглашения идеи избранности (мессианства) русского народа в форме тезиса – «Москва – III Рим, и другому не быть» (6).

Мечта о будущем золотом веке на Руси, во главе с добрым и мудрым Монархом привела к фактической доминанте материальных ценностей над духовными. Отсутствие справедливости, бедность и притеснения компрометировали саму идею христианства. Зародилась мечта-воспоминание о прошлом золотом веке, о справедливых временах Владимира, когда княжеский суд был честным, и существовала настоящая, а не фиктивная соборность. Богатырь – Поток, попав с княжеского пира у Владимира во времена правления Иоанна IV, видит мир совершенно не знакомым:

*И во гневе за меч ухватился Поток.
«Что за хан на Руси своеволит?»
Но вдруг слышит слова: «То земной едет бог.
То отец наш казнить нас изволит».
И на улице сколько там было толпы:
Воеводы, бояре, монахи, попы,
Мужики, старики и старухи –
Все пред ним повалились на брюхи.*

*Удивляется притче Поток молодой:
«Если князь он, иль царь напоследок,
Что ж метут они землю пред ним бородой?
Мы честили князей, но не эдак!
Да и полно, уж вправду ли я на Руси?
От земного нас бога, Господь упаси!
Нам Писанием велено строго
Признавать лишь небесного Бога! (7)*

² Другое дело, что потенциально жизнеутверждающая позиция язычества была затемнена аскетическим пессимизмом христианства.

В самом деле, «реформа» идеологии привела к постепенному отходу народа от церкви, распространению неверия и маловерия, в особенности среди правящих верхов государства – бояр и церковных иерархов, что и явилось первопричиной будущего раскола в русской православной церкви.

В начале царствования Алексея Михайловича возникло движение боголюбцев за чистоту православной веры, начатое протопопом Иоанном Нероновым, стремившимся «переделать уклад жизни самого духовенства, которое, <...>, часто жило не для проповеди слова Божия, просто для своего собственного удовольствия, и нередко бывало примером не добродетели, а распущенности и безнравственности» (8). Вместе с тем и нравственное состояние населения было неутешительным – народ «... часто пьянствует, предается разврату; ругань молодежи и стариков постоянно оскорбляет уши, как посторонних, так и самих же членов семьи, причем дети нередко относятся без уважения к отцам и матерям и «бесстыдной, самой позорной нечистотой языка и души оскверняют»...»(9).

В 1652 году новый патриарх из кружка боголюбцев – Никон начал перестройку в церковной системе. Но это были не те преобразования, которых ожидали боголюбцы. Как написано в «Истории русской православной церкви»(10) – «Русская национальная идея «Москва – хранительница чистоты Православия. Москва – третий Рим» была истолкована не в эсхатологическом, а в политическом, имперском смысле, что можно рассматривать, как подлог национальной идеи и миссии». Никон видел свою миссию в том, чтобы поставить церковную власть выше государственной. Упрекая Царя в присвоении титула «земного бога», Патриарх сам претендовал на обладание абсолютной властью (11). Произошла подмена духовной ориентации на материальную. Поэтому церковная реформа свелась к изменению чисто внешних форм обряда. Тем более что, как пишет А.П. Богданов: «Желание царя утвердить новый обряд определялось многими соображениями, в частности, внешнеполитическими. Алексей Михайлович был убежден (не вполне справедливо), что православное духовенство Украины и южнославянских епархий, на которые уже поглядывало русское самодержавие, ориентировалось именно на новогреческий обряд в соответствии со своей подчиненностью патриарху константинопольскому. Внутри страны царю представлялось опасным признать правоту фанатичных защитников старого обряда, не менее Никона склонных диктовать свою волю самодержцу...» (12).

Понятно, что движение боголюбцев выступило против введения нового обряда, совершенно не отвечающего их чаяниям и надеждам.

Грянул раскол. Начались церковные и правительственные репрессии по отношению к не согласным с новыми порядками протопопам и мирянам. Для неверующих и маловеров изменения в обряде не имели никакого значения и воспринимались ими легко. А в гонимые попала наиболее верующая и чест-

ная часть церкви и народа: «...для них бессмертие души, бытие Божие – не «отвлеченные вопросы», как для множества из нас: для них это вечные решения, в трепете выслушанные, с трепетом принятые. Можно сказать, раскольники – это последние верующие на земле, это – самые непоколебимые, самые полные из верующих» (13). Переоценка нравственно-духовных ценностей была лишь несколько заторможена обыкновенной «перелицовкой платья». Ясно, что верховенство материальных ценностей было фактически признано обеими ветвями власти.

У известного историка русской церкви С. Зеньковского говорится: «В борьбе за русскую православную традицию и за старый обряд, для боголюбцев и их последователей важны были слова преподобного Иосифа Волоцкого, за сто пятьдесят лет до этого указавшего на пределы иерархического послушания православного человека. Предупреждая о грозивших от ереси опасностях и подозревая, что даже сам митрополит, глава русской церкви, Зосима и великий князь Иван III попали в сети еретиков, Волоколамский игумен писал, что царь, заподозренный в отходе от православной веры «не слуга Божий, но дьявол, и не царь, а мучитель и... ты таково царя не послушаеши...» (14).

В программном романе Леонида Леонова «Пирамида» есть одна поразительная догадка: «По смыслу притчи Достоевского о Великом Инквизиторе – это Россия изгнала Иисуса из страны, тем самым обрекая себя на долгое и междуусобное безумие» (15).

Быть может, гонения на раскольников и были тем самым изгнанием Иисуса с земли русской, о котором пишет Леонов.

Известны же слова Кеннана к Боткину – в начале века, которые так горько перекликаются с притчей Достоевского: «Если б сам Спаситель явился бы в русской деревне и, бедный и неизвестный, каким Он явился в Галилее XX веков тому назад, начал учить народ теми же словами, какими Он говорил в Галилее и которые приводятся в 4-х Евангелиях, – Он и суток бы не провел на Свободе!» (16)

Вот почему Святитель Дмитрий Ростовский с болью и отчаянием писал об отсутствии Христа в России, в русской жизни – «нести здесь Бога – был да прочь пошел...» (17). Не случайно на известные строки Тютчева –

*Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя... (18)*

в 1970 году Наум Коржавин откликнулся следующими словами –

*Но тогда, ревнуя к Славе,
За усмешкой скрыв оскал,
Тем путем на тройке дьявол
По следам Его скакал. (19)*

Свято место пусто не бывает.

Со времен Петра Великого партия западников выбрала путь реабилитации язычества в форме европейского индивидуального гуманизма; славянофилы ратовали за восстановление подлинного соборного православия с гуманизмом общественным, оставшимся в прошлом. Целью тех и других стал золотой век – прекрасная утопия всеобщего счастья и гармонии.

В. В. Розанов писал: «...И христианство только «причесывало» человека, а наг, голоден, в гнойных чирьях он так же остался, совершенно так же, как и до христианства. Одни «утешения» и ничего существенного.

Дело приняло совсем неприличный вид, когда «терпящие» заметили, до чего советующие им «терпение» сами взыскательны и тщеславны» (20).

Очевидно, что глубокая и актуальная мысль, выраженная, в частности, А. П. Чеховым не была услышана и должным образом оценена как народом, так и духовенством. А именно: в рассказе Чехова «Убийство» (21) говорится о том, что нельзя выделять себя, нужно быть «обыкновенным человеком»: есть, пить, одеваться и молиться, как все; а «что сверх обыкновения, то от беса»; и нельзя осуждать священников за присущие обыкновенным людям человеческие слабости и грехи, ведь священник – тоже «обыкновенный человек», в корне такого осуждения – гордыня³.

Перед революцией затянувшаяся переоценка ценностей охватила все слои общества. Существующие идеи Православия и язычества были дискредитированы полностью, а вместе с ними – институт права, государственная власть, церковь и даже сама мораль.

Характерный анекдот того времени прямо ассоциируется с сегодняшней злободневностью:

«– Хочу вам предложить дельце.

– А деньги верные?

– Как в государственном банке.

– Тогда позвольте мне подумать» (22).

Недаром уже известный нам герой А.К. Толстого – Поток, оказавшись в том – предреволюционном времени (в Петербурге) снова не верит своим глазам, видя в новой картине нечто общее с предыдущей:

И подумал Поток: «Уж Господь борони,

Не проснулся ли слишком я рано?

Ведь вчера еще, лежа на брюхе, они

Обожали московского хана,

А сегодня велят мужика обожать!

Мне сдается, такая потребность лежать

То пред тем, то пред этим на брюхе

На вчерашнем основана духе! (23)

³ Такую же мысль высказывали Н. С. Лесков и В. В. Розанов.

Всю Россию охватила презрительная ненависть к прежним духовным, моральным и нравственным идеалам.

*Бога нет, царя не надо,
Губернатора убьем.
Податей платить не будем,
Во солдаты не пойдём. (24)*

Атеизм, в сочетании с жаждой новых духовных ценностей привел к реанимации язычества, чем на самом деле являлась коммунистическая идея. Только богами на этот раз были объявлены сами люди, конечно, только декларативно, так сказать, в далеком будущем. А на текущий революционный момент появились идолы – в лице народных вождей, на которых и переключил свое поклонение жаждущий русский народ. Идолы были из числа уже «продвинутых» людей будущего, причем с претензией на бессмертие – «Ленин и теперь живее всех живых...» (25).

Не секрет, что не мало было «искренне верующих» коммунистов, жертвовавших жизнь за идею и Вождя, точно так же, как жертвовали жизни раскольники за своего «нагого и бедного» Христа. При этом идеологи коммунизма встали на позицию славянофилов, исключив из нее православие. Самодержавное единовластие, соборный коллективизм и обособление России – те же догматы славянофильской партии.

Сразу после революции даже многие простые люди не могли не заметить сходства новой власти с самодержавием и общих черт новой и прежней элиты.

*Руп –
На суп.
Трешку –
На картошку.
Пятерку –
На тетерку.
Десятку –
На куропатку.
Сотку –
На водку.
И тысячу рублей –
На удовлетворение страстей –*

Этот «Перечень расходов на одного делегата» Николая Олейникова (26) чем то неумовимо напоминает знаменитое вирэлле А. К. Толстого:

*У приказных ворот
Собирался народ
Густо.
Говорят в простоте,
Что у них в животе –
Пусто.*

*– Дурачье – сказал дьяк, –
Из вас должен быть всяк –
В теле.
Еще в Думе вчера
Мы с трудом осетра
Съели. (27)*

Сразу появились желающие использовать «новую» веру ради карьеры; каждый из них всегда был готов, как писал А. П. Платонов – «Зайти вечером постоять в красном уголке, а то сочтут отступником» (28).

*Насмешили всю Европу,
Показали простоту –
Десять лет лизали ж...
Оказалось – не ту.
Мы живем, забот не зная,
Гордо движемся вперед.
Наша партия родная
Нам другую подберет. (29)*

В конце концов, в народном самосознании опять доминировали ценности материальные, несмотря на то, что многие высокоморальные ценности, правда, только декларируемые коммунизмом, привели к временному расцвету страны, к большим успехам экономики и культуры, хотя и за счет сжигаемых в жертвенных топках человеческих и природных достояний. Но подчас откровенная профанация декларируемых ценностей коммунистической морали дискредитировала не только ее, но и христианскую мораль, с которой во многом внешне совпадала. Л.И. Брежнев от съезда к съезду муссировал один и тот же затасканный тезис - «неуклонно повышать благосостояние» (30), который воспринимался на уровне подсознания, как прямой призыв к увеличению своего личного достатка, т.е. к материальным ценностям, а не к духовным, как было задумано. Трудно представить себе страну, в которой есть все, но где у каждого отдельного человека ничего нет.

В период с 1971 по 1976 очередная глобальная переоценка ценностей была уже вчерне завершена. Это уже тогда давало возможность предполагать, что, если в Союзе будет капитализм, то капиталистами станут как раз партийные руководители и иже с ними. К 1976 году у нас уже были проституция, наркомания, вещизм (подмеченный еще Маяковским – «О дряни» (31)), подпольная литература и постепенно охватывающее все слои общества - неверие. Появились фарцовщики, меломаны и несуны.

*Воровал я на овощебазе
Картофель, морковь и капусту.
И не попался ни разу,
А все равно в доме пусто. (32)*

Входили в моду иностранные книги и фильмы. Страна стала смотреть на запад, ища там как ценностей духовных, так и материальных, видимо, снова рассчитывая на золотой век, когда по нашим понятиям они примирятся и между ними исчезнет противоречие. Оставшиеся до перестройки 10 лет советское руководство потратило на то, чтобы исподволь внедрить в народное сознание «американскую мечту». Именно поэтому, неуклюжая попытка Горбачева вернуть коммунистические ценности провалилась. В боговдохновенность и честность коммунизма уже мало кто верил.

Американская мечта блазилась нам в самом радужном свете. Если для разрушения устоев православия и опирающейся на них власти материальным ценностям понадобилось не менее пятисот лет, а псевдоценности коммунизма сползли с пьедестала за семьдесят, то «американская идея» выскользнула у нас из под ног всего за десять. А все потому, что была изначально воспринята своими проводниками в русскую жизнь, как все та же возможность безоблачного существования за чужой счет с пафосом лживой проповеди золотого дождя в будущем, земного рая для каждого.

Поначалу мы видели конфликт между теми, кто понимал ее не так и, если можно так выразиться, «основными держателями акций». После прихода к власти Б. Н. Ельцина народ попытались убедить, что у нас «американская идея» победила и через довольно короткое время (дни, годы) все мы заживем, как в Америке. Действительно, «американская идея» откровенно материальна. Ее популярная суть в том, что каждый (лично) может стать богатым и жить хорошо, иными словами – в Штатах существует общество равных возможностей. В идеале это означает – честность и порядочность чиновника и законопослушность гражданина. Однако, общеизвестно, что идеал недостижим. Стабильность американской демократии обеспечивается соперничеством властных структур, партий, корпораций и отдельных предпринимателей и служащих; откуда вытекает взаимный контроль за соблюдением законности. Суть – в стремлении общества к идеалу, в максимальном приближении к нему. Нашей стране нет необходимости использовать чужой опыт в государственном устройстве. Прежде всего политикам стоит подумать над тем, что у нас может обеспечить стабильность, т.е. наиболее близкое к идеальному соблюдение законов. Пока ясно одно, что существование правящей элиты к такой стабильности не приведет. Об этом свидетельствует вся история нашего национального государства.

Вообще, все западные, да и восточные «идеи», попадая к нам, таинственным образом трансформируются, переворачиваются с ног на голову. Да и заимствуется в основном только их внешняя (ритуальная) сторона. Не думаю, что это следует считать абсолютной неизбежностью.

Фикция – вот достоверная характеристика для обозначения лозунгов нашего правительства со времен Грозного и до наших дней, с небольшими исключе-

ниями. Обещания и призывы были лживыми или таковыми становились, история задним числом исправлялась и переписывалась, постоянно происходила одна и та же процедура переоценки ценностей, по существу сама по себе постыдная, поскольку наиболее верные и преданные старому вновь и вновь оказывались отлученными и преследуемыми.

Сегодня Россия вновь оказалась на распутье. Поиск новой национальной, почему-то заведомо спасительной идеи декларируется с правительственной трибуны. Однако, попытка вернуть православным идеям их прежнее высокое значение начинает терпеть неудачу, и не только в свете вдохновенной проповеди какого-нибудь протестантского священника, не только из-за католических миссионеров и расплодившихся, как тараканы, экстрасенсов, а, главным образом, из-за поведения самой православной иерархии. Надо признать, что просачивающиеся в печать сведения об участии патриархии в различных денежных делах, которые, по нашему понятию, сейчас – все темные, безусловно не способствуют поднятию авторитета религии. Если обычный обозленный обыватель, ощупывая в кармане мелочь, видит, как батюшка садится в «мерседес», то он отвращается от церкви, точно так же, как уже отошел от государства и семьи. Кроме того, обескровленная бесполостью и бесплотностью православная доктрина приводит некоторых своих адептов к жизнеотрицанию. К признанию того, что материальные ценности могут быть духовны, православная мораль пока еще не готова, если не считать милостыни и пожертвований на содержание храма.

Все партии стараются перещегоолять друг друга, обличая наше критическое положение. Но мы должны понимать, если не – помнить, что наш сегодняшний день не сравним не только с позавчерашним (Гражданская и Отечественная), но и со вчерашним (бесконечные очереди, апатия, талоны, застой, экономический тупик и нищета провинций).

Не дай Бог, если в православном храме также будут собираться разочарованные в вере или лицемерные люди, как на партсобраниях в красном уголке, а то, в самом деле, исчезнет что-то «без чего храм остается только зданием и толпа молящихся – только собравшейся толпою» (33).

Самое грустное положение сегодня в образовании, а оно готовит тех, кто через 10–15 лет будет играть определяющую роль в нашей жизни.

Отсутствие всякого авторитета, в том числе авторитета учителя, родителя, начальника, депутата, духовного наставника, государственного чиновника и самого Президента приводит у нас не к гражданскому неповиновению, а к анархии, беспорядку и преступности.

Развенчанные инстанции уже не принимаются всерьез. Сегодня и «демократические» выборы дискредитированы. Например, у нас в Петербурге. Вспомните, как недавно ходили по домам «добрые» и откровенные люди и предлагали поставить подпись за выдвижение некоего кандидата всего за 15 рублей. А если соответствующим образом оформленный бюллетень упадет в урну для

голосования «фирма» гарантировала еще – 35. Один такой - агитатор на мой отказ презрительно спросил – «Чего вы боитесь?» – А ничего. Вляпаться в собачью кучку на асфальте тоже не страшно, если, конечно, не поскользнуться и не треснуться затылком о поребрик.

*«Кто поскользнется на собачьем кале?
Потом – умрет немножечко: урон
на трассе трудового героизма». (34)*

И все же мы не идем на выборы не для того, чтобы выразить свое отношение к опороченному институту выборов, а просто в силу неверия в саму возможность что-то изменить.

Последняя перестройка-переоценка в начале была переполнена лихорадочными попытками нащупать настоящие духовные идеалы. Одно только всеобщее тотальное увлечение книгами чего стоит. Жаль только, что попытки кончились ничем. Такое впечатление, что мы сами себя обманули, выбрав в качестве универсального объекта «американскую мечту». Борис Парамонов по «Радио-Свобода» призывает нас бросить мечтать и отказаться от мифов и иллюзий в пользу здравого смысла и дела. Может быть, в этом и есть доля истины. Печально, если мечта о золотом веке претворится в действительность веком каменным. Но падать духом еще рановато.

Известно, что во время материальных неурядиц, авторитет духовных ценностей повышается. Страдая, человек очищается.

Переориентировать общество – задача не из легких. Здесь каждый - сам за себя, и сам по себе, а в сумме получается общественное мнение, увы, считающееся бесспорным, только потому, что поддерживается большинством.

Посмотрим на наше отношение к своему государству. Мы уверены, что государство – это враг, а в правительстве – одни подлецы. Здесь или где-то совсем близко лежит разгадка причины наших национальных неудач в государственном устройстве. Конфликтное противостояние морали и права – само по себе явление не редкое, но у нас оно касается именно органов власти. По нашей, несмотря ни на что, остающейся православной, национальной морали – делать карьеру, богатеть, стремиться к власти и управлять людьми - это, мягко говоря, неэтично. Да, что там, стремление к власти или гордыня - настоящий смертный грех. Не удивительно, что славянофилы так ратовали за монархию. Ведь Царь, по народному разумению, – это почти Бог, власть принимает по праву рождения, как обязанность, и, кроме того, известно, что иметь все – равносильно тому, что не иметь ничего. В «моде» всегда были народные вожди и герои, как правило, лично скромные, ведущие аскетический образ жизни, тщательно скрывающие свои притязания на власть. Интересна в этом контексте мысль академика Сахарова: «Человечеству угрожает упадок личной и государственной морали, проявляющийся уже сейчас в глубоком распаде во многих странах основных идеалов права и законности <...> ...Первичная причина (этого – М.Ш.) лежит во

внутренней бездуховности, при которой личная мораль и ответственность человека вытесняются и подавляются абстрактным и бесчеловечным по своей сущности, отчужденным от личности авторитетом» (35). Можно попытаться определить корни данного явления, но сейчас, на мой взгляд, важнее изменить его. Попробуем, начать с себя. Например, мы обманываем государство, так сказать, в отместку за то, что оно обманывает нас. Но на самом деле, нас обманывает или обворовывает чиновник, а мы воруем у государства, то есть, в конце концов, у самих себя. При этом чиновник – тоже один из нас. И президент, и патриарх, и пахан, обманывая государство, обманывают самих себя.

Сегодня все, политические лидеры ищут «в темной комнате черную кошку», выдвигая якобы новые сверхидеи, объединяющие лозунги и символы веры, касающиеся в большинстве случаев целей, которых, нам необходимо достигнуть. А дело в том, чтобы государственный аппарат занимался, как говорил Розанов, только средствами, и ни в коем случае не целями: «...Никогда цели, сами по себе прекрасные, не были так несправедливо и порою так непоправимо запятнаны, как... дурными средствами».(36). Оттого то у нас и получается «все, как всегда», что, убедив народ в насущности достижения новых целей, государственная власть продолжает действовать прежними, ничуть не реформированными средствами. А красиво говорить у нас не только умеют все подряд, но и особенно любят.

Не пора ли вспомнить слова Чехова и применить их не только в отношении православной церкви и попов, но и в отношении государственных чиновников, тогда можно будет жить дальше и верить в самую возможность существования православного, демократического, государства, где не будет, наконец, обмана, профанации и новой переоценки ценностей. Такой шанс, на самом деле, существует. Нужен синтез объективного и субъективного духа, гуманизма индивидуальности и общества.

Нет сомнения, что формированием общественного мнения занимаются власти, как явно, через средства массовой информации, так и тайно, через распространение сплетен, слухов и даже магнитофонных кассет, как в случае антиалкогольной компании. Если смотреть со стороны, не участвуя в общем ажиотаже, эта процедура похожа на неотрепетированное театральное действие. Возникает резонный вопрос: для чего властям нужна антиправительственная пропаганда? Ответ возвращает нас к смутным временам (1603 – 1613, 1917–1918). Очевидно, несколько элитарных групп ведут борьбу за безраздельное господство – аналог царского престола, и не могут ни договориться между собой, ни победить, так как в разыгрываемый сценарий вкрались погрешности в виде, именно, абсолютной потери авторитета всеми возможными идеологиями и их носителями. Как писал еще в ноябре 1905 года: «Авторитета нет или, точнее, мы присутствовали при моментальном почти, на протяжении какого-нибудь одного месяца, падении всех авторитетов, самых старых, самых об-

ширных. Стало возможным все делать для дерзкого; а для <<законного>>, для человека, держащегося принципа <<законности>>, для людей скромных и самоограничивающихся, стало невозможным что-нибудь, сколько-нибудь значительное сделать» (37). Отсюда вытекает другая возможность выхода из кризисной ситуации – возврат в материнское лоно традиционно тоталитарного государства с объединяющей идеей умеренного национализма.

А, вообще, у нас не так все плохо, как нам уже внушили журналисты и властимушье. А те, кто ропщет и злобствует, пусть вспомнят известную легенду о Тамерлане.

Л и т е р а т у р а:

1. В.В. Розанов, Религия, философия, культура; изд. «Республика», М. 1992/ Место христианства в истории, стр. 14,15, 18, 31.
2. Нил Мироточивый, Посмертные поучения; Репринтное издание подготовлено Свято-Троицким Ново-Голутвиным женским монастырем, Коломна, 1992, стр.54.
3. А. Ф. Лосев, Жизнь (Повести, рассказы, письма); С-Пб. 1993, АО «Комплект»/ Встреча, стр. 101.
4. Евгений Баратынский, Стихотворения и поэмы; изд. «Карелия», Петрозаводск, 1979, / Стих. «Приметы» из книги «Сумерки», стр. 134.
5. См., например, М. Забылин, Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия; изд. «Автор», М. 1992, стр. 457.
6. Р. Г. Скрынников, Святители и власти; Лениздат, 1990, стр. 170.
7. А. К. Толстой, Собрание сочинений в 4-х томах; «Художественная литература», М. 1963, / Стих. «Поток-богатырь», стр. 309-310.
8. Сергей Зеньковский, Русское старообрядчество, (Духовные движения VII века); «Церковь», М. 1995, стр. 80.
9. См. (8), стр. 83.
10. История Русской Православной Церкви, Новый патриарший период (1917-1970), т.1, Изд. «Воскресение», С-Пб. 1997, стр. 676. 11.
11. А. П. Богданов, Перо и крест; изд. «Политическая литература», М. 1990,/ Гл. III Раскольники, стр. 140.
12. См. (11), стр. 167–168.
13. См. (1), стр. 34.
14. См. (8), стр. 233, 256, 257.
15. Леонид Леонов, Пирамида; изд. «Голос», серия – Русская проза XX века, М. 1994, Т.II, стр. 226.
16. В. В. Розанов, Около церковных стен, (Собрание сочинений под общей редакцией А. Н. Николюкина); изд. «Республика», М. 1995, стр.117.
17. Н. С. Лесков, Зеркало жизни; «Библия для всех», С-Пб. 1999, стр.18.
18. Ф. И. Тютчев, Стихотворения, письма; «Современник», М. 1978, стр. 188.

19. Наум Коржавин, *Время дано*, (Стихи и поэмы); «Художественная литература», М. 1992, стр. 122.
20. В. В. Розанов, *Когда начальство ушло...*, (Собрание сочинений под общей редакцией А. Н. Николюкина); изд. «Республика», М. 1997, стр.156.
21. А. П. Чехов, *Собрание сочинений в 12 т-х*; Государственное издательство художественной литературы, М, 1956, Т VIII, Повести и рассказы/ Убийство, стр. 40.
22. «Шрапнель» N 1, 1905, Публикация Тамары Алексеевой – журнал «Огонек».
23. См. (7); стр. 310.
24. Сергей Наровчатов, *Необычное литературоведение*; М. «Детская литература», 1981,/ Фольклор, стр. 117.
25. В. В. Маяковский, *Избранные произведения*, Т. II; Государственное издательство художественной литературы, М. 1960,/ Владимир Ильич Ленин, стр. 188.
26. Николай Олейников, *Пучина страстей*; «Советский писатель», М. 1991, стр. 214.
27. См. (7); стр. 245.
28. Андрей Платонов, *Повести, рассказы, из писем*; серия «Отчий край», Центрально-черноземное книжное издательство, Воронеж, 1982,/ Город Градов, стр. 213.
29. Журнал «Огонек».
30. Материалы XXV съезда КПСС; изд. «Политическая литература», М. 1976, стр. 3, 36, 40.
31. См. (25); Т.I, стр. 75.
32. Олег Григорьев, изд. «Нотабене», С-Пб. 1993, стр. 115.
33. В. В. Розанов, *Мысли о литературе*; «Современник», М. 1989/ Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского, стр. 153.
34. Виктор Соснора, *Верховный час*; «Петербургский писатель», С-Пб. 1998/ Риторическая поэма, стр. 61.
35. А. Д. Сахаров, «*Мир через полвека*»; «Советский писатель» Ленинградское отделение, 1990,/ Мир, прогресс и права человека, стр. 38.
36. В. В. Розанов, *О понимании*./ Сочинения В. В. Розанова под редакцией В. Г. Сукача; «Танаис», М. 1996, стр. 582.
37. В. В. Розанов, *Когда начальство ушло...*, (Собрание сочинений под общей редакцией А. Н. Николюкина); изд. «Республика», М. 1997, стр. 61.

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ КИПЛИНГ»

Царскосельскому Киплингу
Пофартило сберечь
Офицерскую выpravку
И надменную речь.
...Ни болезни, ни старости,
Ни измены себе
Не изведал и в августе,
В двадцать первом, к стене
Встал, холодной испарины
Не стирая с чела,
От позора избавленный
Петроградской ЧК.

Владимир Корнилов.

В начале того века, который сегодня мы смело называем – прошлым, на утлых улочках провинциально-патриархального Царского Села можно было встретить нескладного долговязого гимназиста, смотрящего на окружающих надменно и высокомерно, чуть-чуть косящими серыми глазами. Гимназистки, в том числе его будущая жена Аня Горенко, считали юношу «неинтересным». Из всей его «незаметной внешности» девушки находили красивыми только изящные тонкие руки. Шел 1904 год. Примерно через 15 лет этот «гадкий утенок» превратился в «лебедя» – в столичную знаменитость, признанного литературного мэтра, путешественника по Африке и храброго воина.

А пока, провожая Аню домой, Коля Гумилев читал ей, слегка нараспев и нетвердо выговаривая «р» и «л», свои энергичные и чеканные стихи:

*Я знаю, что ночи любви нам даны
И яркие жаркие дни для войны...*

Страсть к приключениям и подвигам, мужественность и твердость, гордость и желание славы – все черты, обычно присущие юности определяли романтическую направленность и самоутверждающий характер его поэзии.

Уже в первом, вышедшем в октябре 1905 года, сборнике, с символическим названием – «Путь конквистадоров» отчетливо прозвучала та «колониально-агрессивная» нота, которая впоследствии позволила критике связать имя поэта с именем – Редьярда Киплинга.

*Великие вещи, две, как одна:
Во-первых – Любовь, во-вторых – война...*

(«Баллада о царской шутке»)

Возможно, эти строки старшего собрата по перу уже были известны молодому Гумилеву.

Сегодняшняя российская критика озабочена задачей – оспорить присвоенный поэту титул «русского киплингянца» и «певца российского колониализма».

В самом деле, навешивание ярлыков при любых обстоятельствах является занятием поверхностным и пустым, и годится разве что для доносов.

Анализ тонких невидимых связей двух поэтов никак не может сводиться к одной формуле – «завоеватель». Ни Гумилев, ни Киплинг не были так примитивно однобоки и однозначны в своем творчестве.

Поскольку все явления видимого мира взаимосвязаны друг с другом, то мы, естественно, можем найти в явном виде определенную связь любого с любым или всего со всем. Проблема в том, чтобы рассматривать эту трансцендентную связь не отдельно от всех остальных, а в контексте всего окружающего мира.

Действительно у выбранных нами поэтов много общего, начиная с биографий и заканчивая литературной идеологией и принципами творческих подходов.

Известно, что оба поэта провели часть детства вдали от урбанизированных центров цивилизации: Киплинг – в Индии, Гумилев – на Кавказе. Биографы отмечали у обоих – болезненность и слабое здоровье, которое «железный Редьярд» так и не смог поправить. Оба были признаны негодными к военной службе, и оба, тем не менее, всегда стремились к походной и полной опасности жизни, требующей от человека напряжения не только воли, но и всех физических сил. Здесь можно вспомнить и их репортерский опыт, и их почти страсть к порядку и дисциплине, колоссальную работоспособность, и даже – их предполагаемое или реальное масонство.

Даже те внешние аспекты творческой идеологии, по которым их сравнивали, были закономерными для их характеров. Неудовлетворенность собой, даже тщательно скрываемая неуверенность в себе порождали стремление к преодолению новых и новых трудностей, к самоутверждению, к доказательству, прежде всего самим себе, своих сил и возможностей. В жизни и в творчестве оба были немного позерами, носили определенные маски, и никакие обстоятельства не могли заставить их эти маски снять.

Достаточно сравнить показательные заявления Киплинга о своих империалистических взглядах в те времена, когда это было особенно одиозно, с более чем рискованным признанием Гумилева – «Я – монархист!», произносимым с подчеркнутым хладнокровием во времена красного террора.

В то время многие молодые представители мыслящей части общества были охвачены тоской по романтической экзотике прошлого. Будничная действительность оказалась вовсе не такой привлекательной, какой представлялась по воспитательным книгам и приключенческим романам. Набирающая силу железная цивилизация быстрыми темпами расширяла границы видимого мира. С небес и в самом деле исчез Бог, точнее, Его перестали видеть¹.

Древние люди в стихотворении Гумилева «Звездный ужас» умирали, взглянув в глаза живого Неба. Однако наступил такой момент, когда маленькая де-

---

¹ Само название говорит: не-бо – не Бог.

вочка, посмотрев вверх, просто ничего там не увидела. Правда, приглядевшись, девочка смогла разобрать некие мистические указания звездных зодиаков, но это уже было только эхо прямого контакта с Божеством. Из реальной жизни исчезла душа.

Естественно, что молодежь стала искать выход из замкнутого круга омертвевшей действительности. Появились новые богоискатели и новые богоборцы. Если нет рая на небе, может быть, есть где-то на земле? Многие в те годы отправлялись на поиски этого заповедного и обетованного места.

*И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели... –*

писал Александр Блок (1905).

*Как будто не все пересчитаны звезды,
Как будто наш мир не открыт до конца –*

продолжал эту мысль Николай Гумилев в своих знаменитых «Капитанах» 1909 года.

Киплинг искал заветный уголок в колонизированной англичанами Индии, Гумилев – в дикой Абиссинии.

Гумилев и близкие к нему петербургские поэты, пожалуй, действительно могли понять «железного Редьярда» лучше других. С кризисом символической школы в поэзию пришел реализм. Гумилев, вслед за Киплингом стремился к объективности, к предельной точности и достоверности, к возвращению вещи ее реальной ценности. Они считали, что автор не должен показывать собственного лица, а – «превращаться» в своих героев. При этом, оба, несомненно, оставались субъективными, используя в творчестве путь от частного и конкретного – к всеобщему и закономерному.

Любовь к экзотике и романтизм, утверждение личного героизма и уважение достоинства врага – вот некоторые общечеловеческие принципы, объединяющие их. Эти экзотика и романтика на самом деле были для самих сочинителей – объективной реальностью, они, именно, так видели окружающую действительность и так ее воспринимали.

*Я не оскорбляю их неврастенией,
Не унижаю душевной теплотой,
Не надоедаю многозначительными намеками
На содержимое выеденного яйца,
Но когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать, что надо... –*

так говорил Гумилев о своих читателях.

Что это, если не те же самые «Боги Азбучных Истин», которым поклонялся Киплинг, в сущности, проповедовавший универсальные этические ценности – мужество, стойкость, верность, долг?

*Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятение всех,
Верь сам в себя, наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех;
Пусть час не пробил – жди, не уставая,
Пусть лгут лжецы – не снисходи до них;
Умей прощать и не кажись прощая,
Великодушной и мудрей других... –*

вот требования Киплинга к настоящему человеку, сформулированные в «Заповеди» 1910 года.

В программе Гумилева был почти тот же основной императив, что и у старшего собрата – «действие», только не всегда целенаправленное и созидательное. Для Редьярда Киплинга – оправданием жизни и условием жизни является закон, правопорядок, наконец, система. Для Гумилева – это только высшая, божественная целесообразность. Для него, несомненно, слова Пушкина –

*...Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Гордись, таков и ты, поэт,
И для тебя условий нет.*

и завет А.К. Толстого –

*Нам Писанием велено строго
Признавать лишь небесного Бога.*

Герои стихотворения Киплинга «Изгой» – морские бродяги и отщепенцы, похожи на моряков Гумилева, но они привязаны к земле, над ними довлеет чувство долга и любви к Родине, о которой они вспоминают с тоской, не имея возможности вернуться. Беззаветное служение великой цели у Гумилева преобразуется в рискованную беспечность, в свободу выбора без каких либо ограничений. Там, где у Киплинга – «наиндивидуальная коллективность», у Гумилева везде – индивидуальность. Сильная личность – вот идеал поэта.

*Уже не одно столетье
Вот так мы бродим по миру,
Мы бродим и трубим в трубы,
Мы бродим и бьем в барабаны:
Не нужны ли крепкие руки,
Не нужно ли твердое сердце,
И красная кровь не нужна ли
Республике иль королю?*

(«На северном море»)

Сильная личность с верой в Бога.

*Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей – мгновенна и убога.
Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.*

(«Фра Беато Анджелико»)

В романе современного английского писателя Джона Фаулза «Даниэл Мартин» Британия, воспеваемая Киплингом – нечто вроде всеобщей галлюцинации, а настоящая Англия – «это свобода быть самим собой, беспрестанно двигаться, словно спора, носимая ветром, ни с чем себя надолго не связывать – только с подвижностью свободы, не подчиняться никому и ничему, любой ценой не подчиняться». Эта установка больше похожа на принципы Гумилева. В контексте зависимости только от Божественного суда бескорыстность жертвы героя становится более правдоподобной, ибо оправдана самим устройством Вселенной.

Однако, заветы Киплинга из «Заповеди», если разобраться, тоже повторяли Библию. Только поэт предполагал, что все тайны мира в конце концов могут быть раскрыты, если победит система высшего морального закона.

А Гумилев считал, что лучшее мироустройство придет само собой и тайны мира не все постижимы –

Но в мире есть иные области,
Луной мучительной томимы,
Для высшей силы, высшей доблести
Они навек недостижимы.

Для него Бог был все еще в небе, а не на земле. Именно поэтому зарождающаяся советская литература с жаром бросилась учиться у Киплинга, вполне официально признавая его талант, и постаралась вычеркнуть имя Николая Гумилева из списка великих поэтов.

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ПОЭТА И «ПОЭТИЧЕСКАЯ ДИКТАТУРА»

Жить только стихами
Очень трудно
И, скажу между нами,
Порой даже очень нудно.
И нужно всем поэтам
Не только копать
в бумажном хламе,
Но и уметь при этом
Заниматься
Всеми жизненными делами.

Михаил Зенкевич, «Признание»

Упорно продолжая околопоэтическую полемику с самим собой, критик, пока его работы нигде не печатают, похож на Дон-Кихота, сражающегося с ветряными мельницами.

Несмотря на это, я, словно единственный оставшийся в живых верующий, буду отстаивать свои убеждения, даже если меня никто не услышит. Дело в том, что проблема насущной необходимости поэзии представляется мне крайне актуальной на сегодняшний день.

Но забыли мы, что осиянно

Только слово средь земных тревог... (1)

Не о поэтическом ли чувстве в мире писал Розанов в работе 1907 года «Одна из русских поэтико-философских концепций»: «Откуда трепет, задумчивость при закате солнца? Откуда восторг тоски, когда сверлим вопросом звездную глубь в ночи? Да нет, и не это главное, не философия и вопросы: откуда в нас, едва мы выйдем из хаоса столкновений, мелочей, будней и возвращаемся в себя, к свободе своей, успокаиваемся от вечного качания жизни, – встает эта первоначальная умиленность на все вещи, и не влюбчивая, земная, а торжественная, задумчивая, уходящая вечность, как бы никогда не рожденная и не имеющая умереть?» (2)

Сегодня принято считать, что стихи читают только романтизированные девицы да сами поэты, вследствие чего они совершенно никому больше не нужны и даже мешают настоящему делу, например, бизнесу или государственной службе. Это общее мнение подобно распространенному заблуждению православных мирян о том, что спастись (по церковной терминологии – очиститься, достичь совершенства, заслужить право быть принятым в Рай) можно только в стенах монастыря. Удаление поэтического из сферы духовной жизни равносильно исключению полового из сферы религии. Давно пора перестать мучиться вопросом

*Ужель Всевышний так судил
И тайну страстного сгорания
К небесным тайнам приобщил?! – (3)*

Слово «поэзия» почему-то пугает, отталкивает номинального обывателя, словно узкоспециальное научное «заклинание», к примеру – «сингулярность». Заметьте, в отношении художников, актеров, журналистов и даже так называемых писателей-прозаиков никто так не думает. К чему бы это? За что поэзия удостоилась такого особого к себе отношения? Вот уж воистину не знаем –

*... что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?.. (4).*

Неужели поэзия наиболее непонятный из всех, недоступный вид творчества? Или наиболее нефункциональный?

«...Но польза? польза? Боже, какой вам «пользы», когда фейерверк красоты и счастья погрузил вас в сон; и, пробужденные, – вы бежите к «делам», к «пользе» с удвоенной энергией, как бы вчерашней усталости не было, вылеченные, – вылеченные от труда жизни, от «пота жизни», от страдания жизни...» (5)¹.

Почему безымянный законодатель моды забывает о песнях, которые услаждают слух, подобно тому, как зрение убаживают произведения живописи и прикладного искусства? Понравившуюся песню можно записать на магнитофонную ленту или лазерный диск. Стихи в сочетании с музыкой и голосом исполнителя превращаются в шоу, в бизнес. А кто, по-вашему, получает наибольшие дивиденды с раскрученного нового диска или клипа? – Весьма редко – автор стихов. Я уже не говорю о том, что хитами сегодня, как правило, становятся не слишком удачные «поэтические произведения». Завоевание масскультуры. Кстати, редкие исключения говорят о том, что в этом виноваты не массы, а те, кто предлагает такую низкосортную продукцию на шоу-рынке. Вкусы читателей определяют не авторы, а издатели. Живя на острове, лексикон жителей которого состоит из 30 слов, невольно и сам начнешь обходиться без словаря.

Так и хочется произнести фразу графа Калиостро из кинофильма «Формула любви» – «Экий ты меркантильный, Маргадон, о душе бы подумал».

Действительно, а как же душа?!

«И чувства добрые я лирой пробуждал...» – сказано не просто так.

Может быть – дело в интимности поэзии, в том, что поэзия подобна религии.

Аналогия не случайна. Доминанта трагического, печального в поэзии – «У счастливой любви не бывает стихов...» (6), так похожа на преобладание сумеречных, скорбных тонов в нашем православии. Давно известно, что печаль

¹ Николай Гумилев на лекциях в Пролеткульте, отвечая на рабоче-крестьянскую критику оторванности от жизни его стихов, по свидетельству одного из слушателей, напрасно потерянного нашей культурой поэта Анемподиста Кайдалова, почти слово в слово повторял это рассуждение Розанова.

действует на человека сильнее, глубже проникает в душу, западает в сердце. «Волшебная сила искусства» имеет в своей основе наиболее точную дозировку печали и радости, соединенных в самых действенных пропорциях. Только в этом случае происходит замыкание незримой тонкой связи автора с читателем; именно тогда читатель испытывает чувство подобное откровению или вдохновению².

Что же, поэзия, как наиболее «тонкая» часть творческого спектра потеряла свой авторитет и влияние?

Вспоминается знаменитая притча Ф. М. Достоевского о землетрясении в Лиссабоне (9). В рассказе больше всего поражает одна, как бы теряющаяся, на первый взгляд, подробность.

Напомню.

Сюжет притчи прост: На утро, после катастрофы, озабоченная публика ожидает увидеть в газете сообщения о размере стихийного бедствия, а находит на первой полосе стихотворение местного поэта, подобное фетовскому – «Шепот, робкое дыханье...». Достоевский утверждает, что разгневанные современники жестоко расправятся с незадачливым лириком, но их потомки поставят поэту памятник.

Подробность, о которой я говорю, состоит в том, что потомки не просто почтят память несчастного мученика, но сделают его героем. Поэту возведут памятник только за его откровенно лирические стихи. Таково истинное значение поэзии, своеобразно выраженное Достоевским.

Хочется провести параллель с известным рассказом Михаила Зощенко, вполне возможно родившимся из рассмотренного нами сюжета. Конкретно, у автора «Землетрясения» – свой, вполне противоположный взгляд на происшедшее: «Автор хочет сказать, что выпивающие люди, не только другие более нежные вещи – землетрясение и то могут проморгать» (10).

Впрочем, я не собираюсь здесь вести глубокие рассуждения о теодицее поэзии. Это разумеется само собой.

Когда стоишь вечером у выхода из метро с пачкой рекламных объявлений нового книжного магазина, и люди от тебя шарахаются, точно так же, как и от подвизающихся рядом кидал, и ты видишь на их лицах – скорбные, темные, напряженные, заведомо неприязненные выражения, невольно приходят на память строки Георгия Иванова –

Какие прекрасные лица

И как это было давно... (11).

² Подтверждение близости двух понятий мы находим, например, у тех же Розанова и Гумилева. Слова первого – «Хочешь ли Ты, чтобы я сам что-то понял? <...> Может быть Ты, Господи, дорожишь моей душой и хочешь, чтобы я понял «для себя»...» (7) можно сравнить с четверостишием из стихотворения «Канцона вторая» –

Если, Господи, это так,

Если праведно я пою,

Дай мне, Господи, дай мне знак,

Что я волю понял Твою (8).

Пока на небе был Бог, люди говорили на языке поэзии³. Теперь – Бог исчез.

Может быть, отказавшись от поэзии, мы все же что-то потеряли?

Слова действительно стали мертвыми.

Доброта, внимательность, сострадание, понимание заменились на бездушные шаблоны: социальная помощь, страхование, благотворительность, спонсорство.

«Нет ничего непонятнее и даже малоизвестнее, чем часто произносимые слова, которые выветрились, потеряли душу и теперь перебрасываются в речи и говоре... Возникли они – и тогда чувствовались. Потом тысячу лет повторялись – и представляют собой то же, что паспорт без человека, или паспорт покойника. «Слово» – есть «описание примет» – есть, а «он-то сам», – вот «его»-то и нет. Он лежит в гробу и на кладбище, скрестив руки и нем. В наше время предстоит «воскрешение слов» почти еще труднейшее, чем рождение слов. «Новая мысль родилась» – это так трудно; и с нею естественно рождается новое слово. Ну те-ка, а поднимите вы на улице медную пластинку, осколок разбитой, изорванной гармонии, – и заставьте ее сыграть песню?...» (15).

И как пчелы в улье опустелом

Дурно пахнут мертвые слова... (1).

Смею надеяться, что поэзия, как мировая категория, усиливается оживить, одухотворить слово. Это ее предназначение, не зависящее от воли и желания самого носителя, т. е. поэта.

Странные и иногда пространные рассуждения о том, кто такой поэт и что он такое, до сих пор время от времени встречаются на страницах наших журналов. Две расхожие и противопоставленные друг другу точки зрения непрерывно муссируются. Первая: поэт – гений, сверхчеловек, потрясающий основы, низвергающий миры:

³ «Мы все говорим «Бог на небе». Боже, что мы понимаем в этом – никто не умеет выразить. Астрономы разложили небо в созвездия, вычислили с точностью до секунд все там движения; все исчислили, все смерили; все, казалось бы, рационализировали, но мы, не слушая их, твердо говорим: «Бог – в небе». Да, вот чего астрономы не поняли и не доказали: отчего же звезды не потухли?!» <...> «Кроме как если это... просто свет живого существа, свет и блеск и теплота» <...> «Не очевидно ли, что звезды суть тоже какие-то «очи» неба, мерцающие, прекрасные, величественные, совершенно непостижимые, но живые!» (12).

Горе! Горе! Страх, петля и яма
Для того, кто на земле родился,
Потому что столькими очами
На него взирает с неба черный
И его высматривает тайны... (13).

Теперь есть теория причинно-следственной механики Николая Александровича Козырева, которая объясняет, что энтропии звезд препятствует время, его физическое содержание (14).

*О да, я – избранный, я – мудрый, посвященный.
Сын солнца – я поэт. Сын разума я царь... (16).*

Вторая: поэт – придурок, психопат, ненормальный, в обиходе, как правило, самодовольный эгоист:

*За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, – и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.
Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.
Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и пряно.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.
Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленились со знанием дела... (17).*

Неформальная богемная литература, считающая себя единственной посвященной в творческую кухню и единственной хранительницей подлинно свободной культуры, а также, единственным оппонентом массовому общественному мнению, постоянно твердит о том, что официальная власть сделала из Пушкина кумира и статую, а на самом деле он был обыкновенный выскочка и бабник, которому просто повезло. Однако сам Александр Сергеевич разрешил спор о поэте раз и навсегда:

*Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.
Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;*

*Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы... (18).*

Нет ничего удивительного в том, что поэт, как и все мы, обыкновенный человек, и может быть в той или иной степени талантлив и в той или иной степени добродетелен. Между тем, существует уже не миф о поэте – гении, пророке, а научно-философская концепция о поэтах, или, если хотите, в более общем смысле – о творческих людях: ученых, художниках, писателях. Эта концепция заключается в том, что миром, государством должны управлять именно такие творческие люди.

Однажды я довольно неуклюже пошутил в том смысле, что нам нужна не политическая, а «поэтическая диктатура». Я, конечно, не имел в виду в прямом смысле диктатора – поэта (Нерон, Мао). Я говорил о подспудной диктатуре и не личности, а сферы бытия – именно о «диктатуре» поэзии. В ответ я услышал грустные слова одного моего друга: «Это должно быть что-то страшное». Разумеется, такие два взаимоисключающих понятия, как диктатура и поэзия, и должны были родить какого-то пугающего одиозного монстра.

И все же, я был близок к упомянутой выше точке зрения, выразителем которой был, например, поэт Николай Гумилев: «Сейчас царство воинов, а затем наступит царство поэтов» (1918г.). Близкую по духу концепцию можно встретить в высказываниях академика Андрея Дмитриевича Сахарова (19), хотя в роли «идеальных» политических вождей он называл не только литераторов, а вообще интеллектуалов, преимущественно ученых.

Удивительным образом точка зрения крайне аполитичного, по мнению многих мемуаристов и исследователей, Гумилева оказалась и современной и жизнеспособной. А еще в 1905 В. В. Розанов говорил о том же самом в статье «Государство и общество»: «Общество столько же есть демон, как и ангел; тогда как в государстве – ни демона, ни ангела. Плюсов-то и нет. А оттого, что нет электричества. Обществу поэтому ужасно трудно приказывать: его нужно нежить, ласкать, что-то нашептывать ему. С обществом управиться... нет, нужно предоставить управлять им поэтам, мудрецам, ну – первосвященникам, более всего пророкам, и вовсе отказаться от этой мудреной и неисполнимой задачи государству. Просто разные категории. И нет тут никакой обиды» (20).

*Земля забудет обиды
Всех воинов, всех купцов,
И будут, как встарь, друиды
Учить с зеленых холмов.
И будут, как встарь, поэты
Сердца вести к высоте,
Как ангел водит кометы
К неведомой им мете... (21).*

Дальнейшие изыскания по поводу управления государством или общества поэтами вновь возвращают нас к Пушкину. Несколько интересных мыслей, касающихся нашей темы есть у Даниила Андреева в книге «Роза Мира», которая недавно была довольно популярна. Речь там идет об идеях и образах Александра Сергеевича, носящих по мнению Андреева мессианский характер: это идеи о демонической природе государства и о морально освободительных устремлениях личности и нации, идеи о непрощаемости преступлений совершенных верховной властью, идеи о неразрешимости противоречий между личностью и государством, а также идеи о противостоянии свободы личности и общественной гармонии. При этом Даниил Андреев считал, что – «Эти идеи, воздействуя на сознание множества людей, приобщившихся литературе, подготавливали его, в конечном счете, к идее-выводу о примате этики над государственным началом, то есть о желательности – хотя и утопичности для настоящего времени – установления высшего – этического контролирующего и направляющего начала над аморальным государством» (22).

Итак, мы видим – что имеет в своей первооснове, рассмотренная здесь концепция «поэтической диктатуры».

Наиболее актуально эта тема звучит сегодня, когда перед российским обществом стоит проблема выбора, точнее выборов, особенно, во времена смуты⁴.

И все же, не надо понимать мои слова слишком прямолинейно и рассматривать их как политическую агитацию.

На самом деле, как я уже говорил, сегодня общественным сознанием управляют не творческие личности, как было во времена Бояна, например, а те, кто контролирует средства массовой информации. Так что времена для «царства поэтов», понимаемого по Розанову (20), еще не наступили.

⁴ «Россия иногда представляется огромным буйволом, съевшим на лугу траву-зелье, съевшим какую-то «гадину-козулю» с травой: и, отравленный ею, он завертелся в безумном верченье» (23).

Этот же образ в форме развернутой метафоры использовал и Гумилев в стихотворении «У цыган»:

Струна... И гортанный вопль... И сразу
Сладостно так заныла кровь моя,
Так убедительно поверил я рассказу
Про иные, родные мне края.
Вещие струны – это жилы бычьи,
Но горькой травой питались быки...,
...Ржавые листья топчет гость влюбленный
Кружащийся в толпе бенгальский тигр...,
...Вот струны-быки и слева и справа,
Рога их – смерть и мычанье – беда.
У них на пастбище горькие травы,
Колочий волчец, полынь, лебеда... (24).

Отсюда напрашивается вывод о том, что благоприятные для «этического контроля» времена придут только тогда, когда во-первых государство (как орган управления) займется не целями, а средствами (25), и во-вторых любая правдивая информация будет абсолютно общедоступной, что вполне реально в связи с развитием интернета.

Добавлю еще одно: бывают у некоторых народов в сущности неплохие традиции слушаться старцев, которые прожив долгую жизнь накопили определенный запас житейской и духовной мудрости и, вообще говоря, чем то родственны поэтам, о каждом из которых можно сказать словами Заболоцкого:

*И бросая перо в кабинете,
Все он бродит один
И пытается сердцем понять,
То, что могут понять
Только старые люди и дети.*

Л и т е р а т у р а:

1. Н. С. Гумилев «Стихотворения и поэмы», М. «Современник» 1989г., Слово, с. 342
2. В. В. Розанов «Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского», М. «Республика» 1996г., с. 504
3. См. (1), Две розы, с. 165
4. См. (1), Шестое чувство, с. 350
5. В. В. Розанов «Около церковных стен», М. «Республика» 1995г., Религия, как свет и радость, с. 11
6. А. С. Кушнер «Город в подарок», Л-д. «Д. л.», 1976г., с. 100
7. В. В. Розанов «Когда начальство ушло...», М. «Республика», 1997г., Государство и общество, с.499
8. См. (1), стр. 288
9. Ф. М. Достоевский «О русской литературе», М. «Современник» 1987г., Г-н -бов и вопрос об искусстве, с. 68.
10. М. М. Зощенко «Избранное», М. «Правда», 1981г. с. 169.
11. Г. Иванов
12. См. (5), Огни священные, с. 237.
13. См. (1), стр. 366.
14. Н. А. Козырев
15. Петр Палиевский «В. В. Розанов», Литературная газета № 26, 28 июня 1989г., с.5.
16. К. Д. Бальмонт «Избранное», М. «Худ. лит.» 1983г., с. 106.
17. А. А. Блок Собрание сочинений, т.3. М. – Л-д., Гос. изд. худ. лит., 1960г., с.127.
18. А. С. Пушкин

19. А.Д. Сахаров «Мир, прогресс, права человека», Л.»Советский писатель» 1990г.
20. См. (7), Государство и общество, с. 39.
21. См. (1) с. 289.
22. Д. Л. Андреев «Русские боги» /Стихотворения и поэмы/, М. «Современник», 1989г. с. 319–320.
23. В. В. Розанов. «Уединенное», М. «Полит. лит.», с. 287.
24. См. (1), с. 355.
25. В. В. Розанов «О понимании», М. «Танаис» 1996г.
26. Николай Заболоцкий

О ПРОВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Наш свет – театр; жизнь – драма; содержатель –
Судьба; у ней в руке всех лиц запас...
Мы, зрители, и, дюжинную братью,
В последний ряд отталкивают нас.

П.А. Вяземский, 1818г.

Не плачь о неземной отчизне,
И помни, – более того,
Что есть в твоей мгновенной жизни
Не будет в смерти ничего.
И жизнь, как смерть необычайна...
Есть в мире здешнем – мир иной.
Есть ужас тот же, та же тайна –
И в свете дня, как в тьме ночной.

Д.С. Мережковский

Поводом к данной заметке явилась небольшая брошюра Сергея Красикова, вышедшая в 1995 году в Санкт-Петербурге, издательство «КЭМ». Название работы С. Красикова говорит само за себя – «На грани мистики. Роковые предчувствия поэтов». Тема интересная и новая представлена у автора довольно широко на большом количестве оригинальных примеров; и все же, я полагаю, нуждается в некотором дополнении: во-первых, вследствие разительной скромности авторских комментариев, а во-вторых, по абсолютной реальной невозможности охватить все поэтические факты из рассматриваемой области, и.с. можно бесконечно продолжать ряд приведенных Красиковым примеров.

Я совершенно уверен, что предчувствия или пророчества поэтов основаны на подсознательном выявлении тонких причинно-следственных связей, пронизывающих мир вселенной, подобно нервным волокнам, проходящим насквозь весь организм человека. Наличие такого рода невидимых и часто не поддающихся буквальному отслеживанию связей наглядно иллюстрирует известный рассказ Рэя Бредбэри «И грянул гром...»

Вероятно, поэт предрекает собственную судьбу безотчетно, чаще всего говоря совсем о другом, имея в виду совершенно иные обстоятельства и выводы. Так Гумилев, создавая своего «Рабочего» в 1916 «предполагал» свою смерть на германском фронте от шальной пули и воспринимал собственное произведение, как некое героическое позерство, вроде описанных мемуаристами его бесшабашных военных выходов – курение, стоя под обстрелом на бруствере окопа и т.п. Но невольно нащупанная невидимая небесная струна вздрогнула и издала такой щемящий и пронзительный звук, которого поэт и сам не ожидал:

*И Господь воздаст мне полной мерой
За недолгий мой и горький век.*

*Это сделал в блузе светло-серой
Невысокий старый человек.*

Возникает ощущение внутренней боли, какой-то уже неземной, отрешенной грусти. Это уже слова о настоящей смерти и о посмертной встрече. В легкости и простоте (вопреки пышности и возвышенности) чувствуется глубокая трагическая достоверность сожаления об уже свершившемся. В обычных бытовых образах – скрытая угроза предопределения собственной гибели, такая же, как у Сергея Есенина в его «предсмертной записке», которая по современным данным написана значительно раньше последнего рокового дня:

*До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.*

*До свиданья, друг мой, без руки и слова,
Не грусти и не печаль бровей, –
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.*

Те же ни с чем неспутываемые нотки слышны в стихотворении нашего недавнего современника Олега Григорьева, который тоже предугадал некоторые подробности своей безвременной кончины:

*Весь день лежал на лежаке,
И удивлялся очень,
Как трещины на потолке
Мне злые рожки корчат.*

*Одни смеются надо мной,
Другие горько плачут.
В ответ им, как глухонемой,
И я кривляться начал.*

*Вдруг раскололся потолок
И рухнул, грохоча.
И захлестал крови поток
Соленый, как моча.*

*Мне мать протягивает кость,
И мать, и смерть слепая –
За руку тощую, как трость,
Схватился, утопая.*

*На этот раз не утонул,
Я справился с кошмаром
И на руках ее уснул
Светло, как в детстве старом.*

Известно, что у поэта перед смертью пошла горлом кровь.
Можно, для сравнения, рассмотреть «Смерть» Гумилева 1905 г.:

*Нежной, бледной, в пепельной одежде
Ты явилась с ласкою очей.
Не такой тебя встречал я прежде
В трубном вое, в лязганье мечей.*

Это отчасти подражательное стихотворение писал человек, еще не видевший смерть, не верящий в нее. Здесь – только юношеский максимализм и восторженная героическая (романтическая) патетика. Предтечей этого стихотворения является, по-видимому, произведение Е.А. Баратынского – «Смерть дочь тьмы не назову я...», которое по мысли и шире и глубже.

Замечу, что в тот же сборник Гумилев включил стихотворение «За гробом» 1907, где смерть уже растеряла весь ореол романтической обаятельности, где она – уже не бледная красавица «с ласкою очей», а «нудный и медлительный рабочий», «костлявый старик», который позже превратится в «невысокого старого человека» вполне обыкновенного обывателя с «теплой женой» и «большой постелью».

Трагической случайности, стечению обстоятельств, по скрытой от нас причине предшествует некое конкретное предзнаменование.

Слова Хлебникова – Первого Председателя Земного Шара, посвященные другому человеку, сбываются в отношении самого поэта. И это именно его, умершего в далеком захолустье «отпоют ветра».

На надгробном памятнике покончившего с собой в 1979 Александра Морева (Пономарева) тоже высечены его собственные, похожие на удаляющееся эхо, строки:

*Это слава, в штольне погибшая – я!
Это слово, в штольне затихшее – я!*

В принципе, нельзя не признать правоту Есенина – Кто чаще думает о смерти, тот больше любит жизнь!

Нет никакого подтверждения того, что поэт пишущий о самоубийстве, на самом деле собирается реально расстаться с жизнью. Скорее всего, это своеобразная попытка защититься от наваждения, пережить трагедию в поэтическом мире, чтобы избежать ее в реальном.

Подчас самые невозможные иррациональные догадки души воспринимаются «автором» в свете будничных логических ассоциаций. Происходит замыкание причинно-следственной сети и появляется на свет небесное откровение. Кратковременность жизни большого поэта в некотором роде – притча во языцах. Потому то поэт и «считает нужным» обратиться к этой болезненной теме.

*Как сладостно шутить перед концом
Об этом знает первый и последний,
Ведь исчезает человек бесследней,
Чем лицедей с божественным лицом –*

Поразительное признание Поплавского в контексте краткости его биографии. А вот кажущиеся опрометчивыми слова блестящего поэта русского зарубежья Дмитрия Кленовского:

*Если сердце все это забудет –
Станет не о чем ему жалеть,
Ничего отнять не смогут люди,
И уже совсем легко мне будет
Оттолкнуть скамью и умереть.*

Годы жизни поэта – 1892 – 1976.

Насколько мне известно, Кленовский в возрасте 84 лет умер своей смертью в Баварии, где и провел все годы изгнания.

Интересный поэт Елизавета Кузьмина-Караваева еще в первом своем поэтическом сборнике «Скифские черепки» предвидела свою будущую деятельность монахини, бойца Сопротивления – легендарной Матери Марии:

*Я площади эти давно проходила
И слышала тот же тоскующий плач. –
Не бойтесь, не бойтесь, – вас ждет лишь могила
Я ж – тихий, целящий и благостный врач.*

Вряд ли она тогда имела в виду свою будущую стезю. Скорее всего, речь шла о настоящем времени и о целительной силе творчества.

А вот невольное предсказание Заболоцкого прозвучало трагическим резонансом в казалось бы чисто отвлеченном метафорическом стихотворении – «В этой роще березовой», 1946:

*За великими реками
Встанет солнце, и в утренней мгле
С опаленными веками
Припаду я, убитый, к земле.
Крикнув бешеным вороном,
Весь дрожа, замолчит пулемет
И тогда в моем сердце разорванном
Голос твой запоем.*

Достаточно вспомнить, что поэт умер как раз от разрыва сердца, после того, как неожиданно бросившая его жена, через несколько лет вернулась обратно. Николай Алексеевич сильно ее любил; она ждала его возвращения из лагеря и делила с ним все тяготы изгнания и бедности.

Уязвимость поэтов тоже общеизвестна. Слишком тонка у них кожа и впечатлительна натура. А кожа, как считал Василий Васильевич Розанов – это место обитания человеческой души.

Уравновешенности в настоящем мире поэты добиваются только ценой невероятных усилий, затрачивая бездну жизненной энергии.

Фет писал по этому поводу: «Конечно, никто не предположит, что в отличие от всех людей мы одни не чувствовали, с одной стороны, неизбежной тягости

будничной жизни, а с другой – тех периодических веяний нелепостей, которые действительно способны исполнить всякого практического деятеля гражданской скорбью. Но эта скорбь никак не могла вдохновить нас. Напротив, эти-то жизненные тяготы и заставляли нас, в течение пятидесяти лет, по временам отворачиваться от них и пробивать будничный лед, чтобы хотя на мгновение вздохнуть чистым и свободным воздухом поэзии». Эти слова почти буквально повторял и Николай Гумилев на своих семинарах в «Пролеткульте».

Кстати, в дополнение к аргументам спора о поэзии и пользе приведу продолжение рассуждения Фета: «Так как в сущности люди эти ничего не понимали в деле поэзии, то останавливались только на одной видимой стороне дела: именно на его непосредственной бесполезности. Понятно, до какой степени им казались наши стихи не только пустыми, но и возмутительными своей невозмутимостью и прискорбным отсутствием гражданской скорби. Но, справедливый читатель, вникните и в наше положение. Мы, если припомним, постоянно искали в поэзии единственного убежища от всяческих житейских скорбей, в том числе и гражданских. Откуда же могли мы взять этой скорби там, куда мы старались от нее уйти?»¹.

Если все, для чего мы росли,
И скучали, и плакали оба,
Будет кончено горстью земли
О поверхность соснового гроба,

Если новая жизнь, о душа,
Открывается в черной могиле,
Как должна быть она хороша,
Чтобы мы о земной позабыли.

Георгий Иванов

Пусть груз мертвящий в ягдташе, –
Не больше, чем омет куста:
Но тишины небесной краше
Ему – земная маета.

Владимир Нарбут

Если говорить о Заболоцком, то защитой от реального смертного мира у него была своя оригинальная теория, свой миф о бессмертии, о переходе человека в природу. Вспомните «Метаморфозы»:

*Чтоб кровь моя остынуть не успела,
Я умирал не раз...*

¹ Цитату я позаимствовал из замечательной в своем роде работы В. Саранчука – «Благословенная русская поэзия». Это вдохновенная речь непрофессионала в защиту поэтического слова, но талантливого, я бы даже сказал – благословенного читателя. Пока таковые существуют, будет существовать и русская поэзия, и вообще русская литература, а с ними и Россия.

Бессмертие гарантировалось переселением тела и души в субстанции и сущности живых организмов: животных, насекомых, растений. Так что поэт называл смерть – суеверием.

Ту же идею-миф встречаем у Геннадия Шпаликова, вместе с роковым предначертанием собственной ранней гибели:

*Я к вам травой прорасту,
Попробую к вам дотянуться,
Как почка тянется к листу,
Вся в ожидании проснуться.*

*Однажды утром зацвети,
Пока ее никто не видит...
А уж на ней роса блестит
И сохнет, если солнце выйдет...*

*Оно восходит каждый раз
И согревает нашу землю,
И достигает ваших глаз,
А я ему уже не внемлю.*

*Не приоткроет мне оно
Опущенные тяжело веки,
И обо мне грустить смешно,
Как о реальном человеке.*

*А я – осенняя трава,
Летящие по ветру листья,
Но мысль об этом не нова,
Принадлежит к разряду истин.*

*Желанье вечное гнетет
Травой хотя бы сохраниться.
Она весной прорастет
И к жизни присоединится.*

Интересно, что примерно в те же годы ленинградский поэт Роальд Мандельштам тоже прикоснулся к тайне смерти и именно в стиле «размышлений» Николая Заболоцкого:

*Вот светлеет небо и совсем сгорает
Синеватый месяц в голубой заре,
Тихо и красиво клены умирают,
Золотые клены в сером ноябре.*

*Мне в окно стучатся их сухие руки,
Ни о чем не просят, только – не жалеть.*

*И метель их листьев в безучастной скуке
От меня скрывает золотую смерть.*

*Вот она приходит, листья собирая,
И к другим уходит в дальние края.
Если так красиво клены умирают,
Как хотел бы кленом быть на свете я!*

Жизнь и этого поэта была непоправимо короткой, тем более, что он, страдая от неизлечимой болезни, изначально был одним из «приговоренных»:

*Когда я буду умирать,
Отмучен и испет,
К окошку станет прилетать
Серебряный корвет.*

Известны жизненные обстоятельства Мусы Джалиля, заточенного фашистами в Маобите, очаровательного хулигана Франсуа Вийона, не раз приговоренного к смертной казни и способного даже дерзко пошутить:

*И сколько весит этот зад
Узнает скоро шея.*

Неизлечимо больная Нина Искренко – блестящий поэт современного авангарда говорила о смерти даже с некоторой будничной скукой:

*День такой хороший
Я умру наверно
То есть как наверно?
День хорош как гусь.*

А Любовь Якушева, тоже уже обреченная, поддержала философскую концепцию Заболоцкого в стихотворении «Мироздание»:

*Который год – созвездия и лед,
который год – слова и междометья,
и, проникая все и вся, растет
огромное двадцатое столетье.*

*Оно растет, как призрачный цветок,
мне осеня голову и плечи,
и вовлекает в солнечный поток,
в котором петь и плыть ничуть не легче,
чем ждать и слушать. Все-таки плыву
вдоль стебля, листьев, усиков лиловых,
внедряясь в доброту, как в синеву,
обменивая вымысел на слово.*

*Прекрасна жизнь! Невнятна и чиста,
сложна и невесома, как снежинка.*

*Она летит вдоль белого листа
и по щеке стекает, как слезинка.*

*И мы живем под куполом цветка,
раскрывшегося мощным парашютом,
и думаем, что жизнь так коротка...
Но купола не видим почему-то.*

Удивительно это тонкое и ясное свечение жизнелюбия в страдающей душе поэта.

Стихотворение Якушевой напоминает изящные рассуждения Розанова о том, что Рай должен быть похож на распутившийся бутон цветка. Ассоциативная цепочка выросла из аналогии с насекомыми: гусеница, куколка, бабочка – последовательные ступени развития. Развернутая метафора этой идеи – рассказ Рэя Брэдбери «Бабочка». Земная жизнь у Любви Якушевой – детство, необходимая составляющая жизни в целом и Рай, словно прикрывает, замыкает собой землю.

По-своему выразил ту же мысль в защиту жизни Георгий Иванов:

*Зеленую кровью дубов и могильной травы
Когда-нибудь станет любовников томная кровь,
И ветер, что им шелестел при разлуке «увы»,
«Увы», – прошумит над другими влюбленными вновь.*

*Прекрасное тело смешается с горстью песка,
И слезы в родной океан возвратятся назад...
– Моя дорогая, над нами бегут облака,
Звезда зеленеет, и черные ветви шумят!*

*Зачем же тогда веселее играет вино
И женские губы целуют хмелей и нежней
При мысли, что вскоре рассеяться им суждено
Летучею пылью, дождем, колыханьем ветвей.*
Даже у Есенина есть нечто в том же духе:

*Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилища.
Люблю, когда на деревьях
Огонь зеленый шевелится.*

*То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.*

*Понятен мне земли глагол,
Но не стряхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.*

*Так кони не стряхнут хвостами
В хребты их пьющую луну...
О, если б прорости глазами,
Как эти листья, в глубину.*

Хоть мы навек незримыми цепями
Прикованы к нездешним берегам,
Но и в цепях должны свершать мы сами
Тот круг, что боги очертили нам.
Все, что на волю высшую согласно,
Своею волей чуждую творит,
И под личиной вещества бесстрастной
Везде огонь Божественный горит.

Владимир Соловьев

Кроме своей собственной судьбы поэты провидели и судьбу России. «Эстетствующий», «салонный» поэт Игорь Северянин, попав после революции в эмигрантскую Прибалтику, описал в 1925 году одновременно и свой конец, и пути России:

*Но дни идут – уже стихают грозы.
Вернуться в дом Россия ищет троп...
Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!*

В 1940 советские войска вошли в Латвию, а в 1941-ом поэт умер в Таллине уже оккупированном фашистами.

До сих пор остается загадкой, каким образом удалось некоторым «шутникам» так точно провидеть сегодняшние дни нашего многострадального Государства. Например, еще в 1860-ом, более 100 лет назад, Василий Степанович Курочкин написал:

*О гласности боля и тоскуя
Почти пять лет,
К прискорбию ее не нахожу я
В столбцах газет...*

А Саша Черный еще до Февраля 1917-ого заметил:

*Дух свободы. К перестройке
Вся страна стремится.
Полицейский в грязной Мойке
Хочет утопиться.*

*Не топись, охранный воин,
Воля улыбнется,
Полицейский, будь спокоен,
Старый гнет вернется.*

По-моему и сейчас, а не только во времена президентства М.С. Горбачева эти заявления остаются актуальными.

Может быть, все дело в том, что мы все те же?

Константин Фофанов однажды сказал об этом:

*И наши дни когда-нибудь века
Страницами истории закроют.
А что в них есть? Бессилье и тоска.
Не ведают, что рушат и что строят!
Сегодня страсть волнуясь, живет,
А мысль – в тиши лениво прозябает.
И все мы ждем от будничных забот,
Чего-то ждем... Чего? Никто не знает!
А дни идут... На мертвое «вчера»
Воскресшее «сегодня» так похоже!
И те же сны, и тех же чувств игра,
И те же мы, и солнце в небе то же!..*

1888г.

Но каким суровым предзнаменованием звучат вдохновенные строки двух известных мне поэтических предсказаний!

*Одно принадлежит Лермонтову:
Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! – Твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.*

Парадоксальное совпадение мельчайших подробностей придает тексту мистическую, магическую окраску.

Индивидуальная русская катастрофа нашла свое отражение и у Федора Ивановича Тютчева:

*Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное...
Ложь воплотилась в булат;
Каким-то Божьим попуценьем.
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...
Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!
Тебе они готовят плен;
Тебе пророчат посрамленье, –
Ты – лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещение!
О, в этом испытанье строгом,
В последней, в роковой борьбе,
Не измени же ты себе
И оправдайся перед Богом...*

Похоже, пророческие слова поэта начинают сбываться только сейчас. Разве не предсказанием сегодняшнего дня звучат следующие строки Роальда Мандельштама:

*...Наши люди забыли о чести,
Полюбили дешевый уют,
И, мечтая о призрачной мести,
Наши дети угрюмо растут.
– Вы сегодня совсем как бараны,
Дураки, подлецы, наркоманы.*

Знаменитое стихотворение «Мужик» Николая Гумилева 1918 года уже не было предвестием в строгом смысле слова. Уже «процесс пошел», как говорил М.С. Горбачев. Но Гумилев провел параллель между Григорием Распутиным и революцией. Вот последнее «завещание» «юродивого Григория», касающееся уже начинающей сбываться судьбы России:

*В диком краю и убогом
Много таких мужиков.*

*Слышен по вашим дорогам
Радостный гул их шагов!*

Странно, но родственность этих явлений русской действительности гораздо более глобально выразил Дмитрий Сергеевич Мережковский, назвав ближайшее будущее России – «Царством Грядущего Хама», у которого – три лица: «Первое настоящее – над нами – лицо самодержавия, мертвый позитивизм казенщины, китайская стена табели о рангах, отделяющая русский народ от русской интеллигенции и русской церкви»; «Второе лицо прошлое – рядом с нами, лицо православия, воздающего кесарю Божие...»; «Третье лицо будущее – под нами, лицо хамства, идущего снизу – хулиганства, босячества, черной сотни – самое страшное из трех лиц»². Но, согласитесь, ведь это же те самые три кита русской национальной идеи: Самодержавие, Православие, Народность, только выродившиеся, вывернутые наизнанку косностью, закрепощением творчества в кабалу догмы и закоренелым обособлением и отъединением от всего западноевропейского мира, от христианской европейской цивилизации.

Но в этом определении грядущего прослеживаются не только традиционные русские черты и особенности, но и некоторые намеки на черты всемирные. Это черты упадка. Да, и Византийская империя была когда-то вселенской. Падения Вавилона, Египта и Рима были когда-то отмечены, я думаю, точно такими же особенностями. Новейшая история германского фашизма имела у себя те же выразительные характерные признаки. Каким горьким предчувствием тогда еще будущей «европейской ночи» прозвучали даже не слова, а настроения сборника Владислава Ходасевича с таким названием. А в стихотворении «У моря» 1922-23 г. есть прямое предвещание грядущей фашистской бури, перекликающееся со словами Гумилева, вложенными в сладко-язвительные уста «старца» Григория. Судите сами:

*...Изломала, одолевает
Нестерпимая скука с утра,
Чью-то лодку море качает,
И кричит на песке детвора.

Примостился в кофейне где-то
И глядит на двух толстяков,
Обсуждающих за газетой
Расписание поездов.

Раскаленными взрывами брызжа,
Солнце крутится колесом.
Он хрипит сквозь зубы: – Уймись же! –
И стучит сухим кулаком.

Опрокинул столик железный,
Опрокинул пиво свое.*

² см. стр. Предвиденье сбылось.

*Бесплезное – бесплезно;
Продолжается бытие.
Он пристал к бездомной собаке
И за ней слонялся весь день,
А под вечер в приморском мраке
Затерялся и пес, как тень.
Вот тогда-то и подхватило,
Одурманило, понесло,
Затуманило, закрутило,
Перекинуло, подняло:
Из-под ног земля убегает,
Глазам не видать ни зги –
Через горы и реки шагают
Семиверстные сапоги.*

При этих последних словах вспоминается не только песня «Солдаты группы Центр» Владимира Высоцкого, но и картина Сальватора Дали – «Предчувствие войны в Испании», и рассказ Андрея Платонова «Мусорный ветер».

Из вечности музыка вдруг раздалась,
И в бесконечность она полилась,
И хаос она на пути захватила, –
И в бездне, как вихрь, закружились светила:
Певучей струной каждый луч их дрожит,
И жизнь, пробужденная этою дрожью,
Лишь только тому и не кажется ложью,
Кто слышит порой эту музыку Божью,
Кто разумом светел, в ком сердце горит.

Я.П. Полонский <Гипотеза>

За мигот миг в таинственную нить
Власть Вечности, бесстрастная, свивает,
И горько слеп, кто сумрачно дерзает,
Кто хочет смерть от жизни отличить...
Какая боль, что грозный храм вселенной
Сокрыт от нас великой пеленой,
Что скорбно мы, в своей тоске бессменной,
Стоим, века, у двери роковой!

Юргис Балтрушайтис

Пожалуй, самые невероятные провидения поэзии относятся не к судьбам отдельных людей или государств, а к судьбе всей земной цивилизации.

В статье «Апокалипсис Николая Гумилева» я уже попытался открыть эту страницу «Книги Жизни». Гумилев, Розанов, Достоевский, Тарковский, Бара-

тынский, Тютчев, Лермонтов произносили свои вдохновенные речи по этому вопросу. Но есть и другие более или менее достоверные «свидетельства» о «кончине мира». Вот, например, стихотворение «Сон» Степана Петровича Шевырева, 1827 год:

*Мой дух предчувствие томило:
Ударит полдень роковой,
Найдет светило на светило,
И сокрушительной грозой*

*Небесны огласятся своды,
И море смерти и огня
Польется в жилы всей природы;
Не станет мира и меня...*

*И на последний мира стон
Последним вздохом я отвечу,
Вот вижу роковую встречу,
Полудня слышу вещей звон.*

*Как будто молний миллионы
Мне опаляют ясный взор,
Как будто рвутся цепи гор,
Как будто твари слышны стоны...*

В словах поэта – косвенное подтверждение гипотезы о том, что конец мира совпадает с индивидуальной смертью каждого человека. Недаром в «Откровении Иоанна Богослова» сказано, что все мы встретимся в последний день мира, на Страшном Суде. Никакого общего конца по земному времени и гибели человеческой цивилизации может и не наступить. Переход человечества на новую ступень жизни может происходить по земным меркам постепенно. По непознаваемым законам сверхреального (посмертного для нас) бытия все мы, уходя из жизни, попадаем в одну определенную точку времени и пространства – на Суд Божества. А бедствия и разрушения, катастрофы и светопреставления, изображенные в Апокалипсисе случались и продолжают происходить на всем протяжении истории.

Недаром, у многих поэтов начала XX века революция ассоциировалась с наступающим всемирным катаклизмом.

Таковы были ощущения Василия Розанова и Макса Волошина. О том же много писала Елизавета Кузьмина-Караваева в сборнике «Руфь» 1916 года, вот наиболее характерное – по смыслу и настроению:

*Кипит вражда; бряцают латы;
Кровавой раной зори в небе;
В цветах кровавых каждый стебель;
И близок, близок гость крылатый.*

*Вот жатвы, смятые врагами,
Вот, – на земле белеют кости;
И мы, сгорая в темной злости,
Их топчем конскими ногами.*

*И солнце, – пламеневший слиток, –
Погасло у последней грани,
Моря слилися в океане,
И свилось небо в пыльный свиток.*

*И женщина на льве пятнистом,
Гоня его ударом жезла,
Кометой огненной исчезла
За морем взрытым и бугристым.*

*Могилы древние открыты;
Настал последний светлый холод.
Вот Агнец-Бог за мир заколот,
Грехи былые им избыты.*

Оттенок того же тона слышится в словах еще одного акмеиста, участника первого Цеха поэтов Михаила Зенкевича:

*...Все мы, Боже, девы безрассудные,
Где лампы наши, маслом полные?
Уж подняты кверху трубы судные,
И архангелы одеты в молнии.*

*Уж земля в горниле трубном плавится,
Мрет скотина и хлеба не рождаются,
Только небо зорями кровавится,
Да рососою плачет Богородица.*

В нынешнем процессе распада страны можно видеть аналогии, как со временем Октябрьской Революции, так и с периодом упадка Римской империи. Но точнее, как мне кажется, иной взгляд – Россия не может жить спокойно. На всем протяжении своей истории она либо спала, либо бесновалась. Смута сменялась реакционной консервацией, а покой – бунтом. Современникам Смутного времени мерещился конец света, а современникам застоя было душно и тяжело в прозябании. Здесь – воплощение двух крайностей русской природы – краеугольный камень евразийства. Получается, что мы не способны развиваться, действовать и одновременно жить устойчиво и стабильно. Несовместимость понятий свободы и равенства по словам академика Александра Михайловича Панченко – есть основная причина нашего состояния – «Вольному – воля, спасенному – рай». В действительности совместимость равенства и воли реализуется в американской мечте об обществе равных возможностей. Но этого-то и не может допустить элитарная власть, опирающаяся на вековые

традиции крепостной России. Вот нас и бросает из крайности в крайность. То блеск патрициев и рабство плебеев, то Страшный Суд и крах Империи.

И картины Светопреставления всегда представлялись почти одни и те же, так как в большинстве случаев опирались на свидетельство Иоанна Богослова. Еще в 1835 году Федор Глинка написал стихотворение «Ангел»:

*Суд мирам уготовляется –
Ходит Бог по небесам;
Звезд громада расступается
На простор его весам...*

*И, прослышав Бога, дальние
Тучи ангелов взвились;
Протеснясь в врата кристальные,
Хоры с пеньем понеслись...*

*И мой ангел охранительный,
Уж терявший на земле
Блеск небесный, блеск пленительный,
Распустил свои крыле...*

*У судьбы земной под молотом
В стороне страстей и бурь.
Ярких крыл потускло золото,
Полиняла в них лазурь...*

*Но как все переменилось!
Он на Бога посмотрел –
И лицо его светилось,
И хитон его светлел!..*

*Ах! Когда ж жильцам-юдольникам
Возвратят полет и нам
И дадут земным невольникам
Вольный заступ к небесам!..*

Кстати, в этом стихотворении взгляд на последние времена близок к протестантскому, а не к традиционно-православному – пессимистическому, хмурому и бедственному, пророчащему антихристово царство. Здесь – оптимизм и даже радость, поскольку вслед за антихристом придет сам Христос и уже навсегда Добро победит зло. Ортодоксальный взгляд отражен, например, в стихотворении нашего современника Иеромонаха Романа, в миру Александра Матюшина:

*И вижу в окровавленной луне,
Что от племен языческих сокрыто:
Сгорит земля и вся дела на ней,
И небеса совьются, яко свиток.*

*И звезды, сотрясаясь, ниспадут,
И будет ужас и тоска в народе...
Не потому ль дрожащую звезду,
Уединясь, ищут на небосводе?*

*Она дрожит, пока еще дрожит,
Желанный свет, бросая пешеходу...
О, сколько мрака на земле и лжи,
Что Божий гнев коснется небосвода.*

Здесь есть загадка. Русская национальная идея выражает ожидание золотого века (см. мою статью о переоценке ценностей) благополучного и счастливого, вслед за которым придет антихрист и только потом Христос. Странно, что временного благолепия ждут, как вечного и пришествия антихриста дрожат, как гибельного, а о Иерусалиме, сошедшем навсегда на Землю почти не вспоминают. Может, раньше это не было принято, чем ближе к концу, тем страшнее?

Для сравнения приведу отрывок из поэмы «Мироздание» Владимира Соколовского 1832 года – это обращение хора небесных сил к Богу Саваофу:

*Исполняя Твой закон,
Свет разрушится веками,
И последний вал времен
Расплеснется над гробами.*

*Тлен и прах хаос возьмет,
Но бессмертное Дыханье
Исполином перейдет
Чрез могилу мирозданья.*

*И сольется вновь тогда
Здесь оно с Твоей красою,
Как с блестящею зарею
Утра светлая звезда!*

Интересны обращения к этой, кажется вновь злободневной сегодня теме, у поэтов серебряного и бронзового веков.

Вот стихотворение Бориса Поплавского из единственного вышедшего при жизни поэта сборника «Флаги», 1931 год:

РОЗЫ ГРААЛЯ

*Спала вечность в розовом гробу.
А кругом все было тихо странно.
В синюю стеклянную трубу,
Ангелы трубили про судьбу
В изумрудном небе летом ранним.
В темном доме призрак спал на стуле,
На рабочий стол облокотясь.*

*А в большом окне огни июля
Молча гасли, медленно тонули,
На огромной глубине светясь.
Высока заря над Ронсевалем,
Неподвижен вечер, кончен путь,
За стенами рыцари Грааля
Розу белую в снегу сорвали
И кого-то улыбаясь ждут.
Осветил закат святые своды,
Высоко на башнях спят цари,
А над ними в ясную погоду
Корабли весны идут, как годы,
С них играет музыка зари.
Колокол отбил часы разлуки.
Высоко в горах сияет осень.
Подойдет к дверям, забудет муку,
И в землей испачканную руку
Вложит розу золотой оруженосец.
Тихо скажет лето миновало.
Повернулся золоченый шар.
Посмотри, как все возликовало!
Лишь цари прочли в закате алом,
Что вернулась к нам Твоя душа.*

Здесь опять «труба», как у Лермонтова и Гумилева (см. «Апокалипсис Николая Гумилева») – это зов судьбы. И опять – личная боль, гибель и переход в более чистый и совершенный мир, где рыцари Грааля, как когда-то волхвы, встречают воплотившегося в человеке Бога Живого. И «призрак за рабочим столом» – это не только сам поэт, но и любой человек – жертва изобретенной относительно недавно нейтронной бомбы, которая может превратить мир в пустыню, «без шума и пыли».

А вот сновидение Николая Заболоцкого 1953 года:

*Жилец земли, пятидесяти лет,
Подобно вам счастливый и несчастный,
Однажды я покинул этот свет
И очутился в местности безгласной.
Там человек едва существовал
Последними остатками привычек,
Но ничего уж большие не желал.
И не носил ни прозвищ он, ни кличек.
Участник удивительной игры,
Не взглядываясь в скученные лица,
Я там ложился в дымные костры*

*И поднимался, чтобы вновь ложиться.
Я уплывал, я странствовал вдали,
Безвольный, равнодушный, молчаливый,
И тонкий свет исчезнувшей земли
Отталкивал рукой неторопливой.
Какой-то отголосок бытия
Еще искал я для существования,
Но уж стремилась вся душа моя
Стать не душой, а частью мирозданья.
Там по пространству двигались ко мне
Сплетения каких-то матерьялов,
Мосты в необозримой вышине
Висели над ущельями провалов.
Я хорошо запомнил внешний вид
Всех этих тел, плывущих из пространства,
Сплетенье ферм и выпуклости плит,
И дикость первобытного убранства.
Там тонкостей не видно и следа,
Искусство форм там явно не в почете,
И не заметно тягостей труда
Хотя весь мир в движенье и работе.
И в поведенье тамошних властей
Не видел я малейшего насилья,
И сам, лишенный воли и страстей,
Все то, что нужно, делал без усилья.
Мне не было причины не хотеть,
Как не было желанья стремиться,
И был готов я странствовать и впредь,
Коль то могло на что-то пригодиться.
Со мной бродил какой-то мальчуган,
Болтал со мной о массе пустяковин.
И даже он, похожий на туман,
Был больше материален, чем духовен.
Мы с мальчиком на озеро поили,
Он удочку куда-то вниз закинул
И нечто, долетевшее с земли,
Не торопясь, рукою отодвинул.*

Здесь впечатляет перетекание образов лагерного быта поэта в странные картины надмирного существования.

Парадоксальная загадка этого откровения в материальности того запретельного, очевидно небесного мира, куда попал поэт в своем снопутешествии. Выходит, что мир населенный ангелами и духами, тоже материален; и там тоже

– своя жизнь, быт и заботы, совершенно непонятные земному гостю. Почти то же утверждал и Пушкин, по крайней мере, в отношении трудов и забот в потустороннем мире:

*Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить.. И глянь – как раз – умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.*

Жажда жизни и, пожалуй, не безличной, бестелесной, бесполой вечной жизни, а реального, осязаемого, «острого» бытия неистребима в человеке.

Вот – трагически ироничное стихотворения Олега Григорьева «Наконец-то»:

*Когда человечество вымерло,
Наконец-то вздохнул я спокойно.
Взял этюдник, мешок и палку
И ушел из города – покойника.*

*Брел долинами и холмами,
Лесами, болотами и берегами рек.
И видел, как все кругом радуется,
Что пропал человек.*

*Но иногда глубоко я задумывался
Под пенье птиц и журчанье вод:
– Зачем вообще появлялся и мучился
Этот жадный и скучный народ?*

Но, пожалуй, лучше всего мысль – и в «жизни вечной» не расставаться с земной оболочкой и земным миром – выразил малоизвестный сейчас поэт серебряного века Константин Эрберг (Сюннерберг):

*Если правда, что для вознесенья
Должен дух земную плоть столкнуть
В смертный ад, на тяжкие мученья,
Если дан мне только этот путь, –
Я молю судьбу мою: о, сделай,
Чтобы в сердце ад мой не потух,
Чтобы плоть в своем аду горела!
И взнесется вместе с духом тело,
И застонет с милым телом дух.*

Удел земли – и гнев, и боль, и стыд,
И чайные отмстительного чуда,
И вот, донныне дерево дрожит,
К которому, смутясь, бежал Иуда.
И кто пророк? Кто скажет день и час,
Когда, сорвавшись с тягостного круга,
Она помчит к иным созвездьям нас,
Туда, где нет ни Севера, ни Юга?
Как долго ей, чудовищу без пут,
Разыскивать в веках себе могилу,
И как миры иные назовут
Ее пожаром вспыхнувшую силу?

Вильгельм Зоргенфрей

Возможно, приведенные мной прогнозы поэтов не являются в строгом смысле ясновидением, то есть не обязательно все так и будет. Например, Кузьмина-Караваева эпиграфом к циклу «Исход» из сборника «Руфь» взяла слова из Библии: «И будет после того, излию от Духа Моего на всякую плоть и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши: старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть виденья. И так же на рабов и на рабынь в те дни излию от Духа Моего» (Иоиль.2,-28.29). Не эти ли слова Священного Писания объясняют роль поэтов-пророков, роль провиденциальной поэзии. Не всегда и не во всем пророчества поэтов сбываются и будут сбываться. Но поэты, несмотря на то, что встречают их не слишком гостеприимно –

Смотрите: вот пример для вас!

Он горд был, не ужился с нами:

Глупец, хотел уверить нас,

Что Бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:

Как он угрюм, и худ, и бледен!

Смотрите, как он наг и беден,

*Как презирают все его!*³ –

продолжают свое неблагодарное дело, можно сказать любой ценой:

Какой бы ни было ценой

Я слово вещее добуду,

Приблизусь к огневому чуду,

Верну навеки мой покой.

Пусть давит плечи темный грех,

Пусть нет прощенья земного, –

Я жду таинственного зова,

*Который прозвучит для всех*⁴.

³ М.Ю. Лермонтов

⁴ Е. Кузьмина-Караваева

На самом деле, провиденциальная поэзия заслуживает более пристального изучения. Поэзия – это клад, надо только суметь расшифровать «пояснения на карте» и тогда мы сможем его обнаружить. Сами поэты, наоборот, стараются, как можно более сложно «закодировать» свои пророчества, как, например, Константин Вагинов:

*Под пегим городом заря играла в трубы,
И камышами одичалый челн пророс.
В полуоткрытые заоблачные губы
Тянулся месяц с сетью желтых кос.
И завывал над бездной человек нечеловечьи
И ударял в стада сырых камней,
И выходили души на откос Кузнечный,
И Хаос резали на призрачном огне.
Пустую колыбель над сумеречным миром
Качает желтого Иосифа жена.
Ползут туманы в розовые дыры,
И тленье подымается из ран.*

А ведь это все та же картина Апокалипсиса.

И все же поэты порой сами понимали, что не все их слова – пророчества:

*Сегодня все мертвые встали
И обгоняют меня;
Живые, не вы угадали
Все признаки судного дня⁵.*

И, все же, мне представляется, что не так уж и далеки от истины все поэтические откровения, тем более, что истина, как известно, вещь непознаваемая и недостижимая для смертного человека. А поэзия – серьезный претендент на бессмертное существование, по крайней мере, некоторые ее творения живут уже достаточно продолжительное время.

Вообще говоря, человек на земле может только приближаться к истине. «Так есть и иначе не может быть» – вот на что способен подняться логический и анализирующий мыслящий ум.

Трагедия – в другом. Когда явилась человеку Благая Весть и открылась ему Истина, то он и стал передавать эти Откровения своими человеческими словами. Если верить современным христианским антропологам, то первые люди жили примерно по 900 лет, и постепенно срок жизни человека сокращался.

Вполне возможно, что Адам и Ева, жившие некоторое время в Раю, понимали язык сотворившего их Бога, так же постепенно их потомки стали его забывать и заговорили на земных жаргонах и диалектах. И во время Христа, вероятно, божественная речь была забыта уже основательно. Так что прав

---

⁵ – Е. Кузьмина-Караваева

Михаил Булгаков, сказавший устами своего героя Иешуя (Иисуса) в романе «Мастер и Маргарита» о Левии Матвее – «Он все неправильно за мной записывает». Поэтому, истину потребовалось истолковать. Тут-то и вмешался сатана. Это версия Николая Семеновича Лескова из сказки «Чертова бабушка». Сатана там говорит: «Я выдумал касающееся к этой самой истине. Пришла истина, ну и пришла. Так ей и быть. Теперь назад не воротишь, а я теперь буду вперять человеку, что он один познал эту самую истину самым лучшим родом, и он тогда во всех смыслах зайдет. Не станет ничем поверять и ни о чем ни с кем спокойно и умно не посоветует, а всех почтет в заблуждении, и что ему в лоб вступит, то и велит всем почитать за истину. Тогда ему во весь век не услышать слово истины».

Нет сегодня стареющего, мудрого человечества без войн, раздоров, бесчинств, с высочайшей культурой, а не изощреннейшей техникой только. Да и Земля еще не остыла: там вулкан, здесь землетрясение.

Так что...

Может быть, поэзия – это некое эхо того божественного языка, на котором говорили в Раю с Создателем первые люди. Отзвук музыки, которую они слышали.

Закончить я хочу замечательными словами Георгия Иванова, которые можно истолковать, как прощение Богом своих человеческих сыновей:

*Приближается звездная вечность,
Рассыпается пылью гранит,
Бесконечность, одна бесконечность
В леденеющем мире звенит.*

*Это музыка миру прощает
То, что жизнь никогда не простит.
Это музыка путь освещает,
Где погибшее счастье летит.*

P.S. Универсальный философ Василий Васильевич Розанов в своих – Наблюдениях, извлеченных из чтения «Шахразады» писал: «...ученые пришли к выводу, что ритмическая стихотворная речь едва ли не была первоначальной формой выражения человеческой души, после которой наступила проза, позднее изобретенная».

Как говорится – sapienti sat, (для понимающего – достаточно).

Содержание

От издательства	71
«Апокалипсис» Николая Гумилева	53
Каменный век русской поэзии	20
Поэзия жизни. Точки пересечения (Баратынский и Розанов)	33
Явление героя. Поэзия и польза («Жизнеописание Чернышевского» из романа «Дар» Владимира Набокова)	46
Переоценка ценностей. Психологический детерминизм	57
«Петербургский Киплинг»	71
Персонификация поэта и «поэтическая диктатура»	76
О провиденциальности русской поэзии	85

Отпечатано в типографии ИП Генкин А.Д.
197002, Санкт-Петербург, наб. Обводного кан., д. 40,
Тел/факс (812) 766 05 66
E-mail: RENOME@comlink.spb.ru

Подписано в печать 17.01.2008
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,75. Тираж 200. Заказ № 800

Редакция
Тел. (812) 773 92 83
E-mail: schvec@mail.ru